

May 31th 2017

International Conference on Linguistics, Language and Culture Research

Conference Proceedings

Scientific public organization
Professional Science

Charleroi, Belgium. 2017

UDC 009
LBC 6/8

Editors

Natalya Krasnova | Managing director SPO “Professional science”

Yulia Kanaeva | Logistics Project Officer SPO “Professional science”

International Conference on Linguistics, Language and Culture Research: Conference Proceedings, May 31th, 2017, Charleroi, Belgium: Scientific public organization “Professional science”, 2017. 76 p.

Presenters outline their work under the following main themes: language, culture, history, teaching.

The conference is well attended by representatives from more than 5 universities from 3 different countries all over the world and with participation of higher education institutional policymakers, governmental bodies involved in innovating HE, deans and directors, educational innovators, university staff and umbrella organizations in higher education.

www.scipro.ru

UDC 009
LBC 6/8

- © Article writers, 2017
- © Sole proprietorship N.A. Krasnova, 2017
- © Publisher: Smashwords, Inc., USA, 2017

All rights reserved

TABLE OF CONTENTS

SECTION 1. MULTICULTURAL PAST AND PRESENT 5

Leun E.V. The origin of the name Moscow. Analysis of the causes of its rise and transformation into the capital of Russia 5

SECTION 2. LANGUAGE, IDENTITY AND CULTURE 22

Salimova L. Plug-in constructions as features of the style linguistic personality's of Yu. Lotman's 22

SECTION 3. LANGUAGE, CULTURE AND TRANSLATION 30

Dzhabrailova V.S., Perekalin M.S. On conveying expressive aspect of a statement as translated from English into Russian (evidence from American election debate) 30

Kovalev A., Kutsevich Y. The immersion effect in Russian translations of the short story by Howard Phillips Lovecraft "The Call of Cthulhu" 39

SECTION 4. TEACHING AND LEARNING OF ENGLISH AS A FOREIGN/SECOND LANGUAGE 46

Kobylyanska I. Principles of the Autonomy Approach in foreign language learning and teaching 46

Kulakova N. Portfolio as a means for activation of student professional and personal development in learning foreign languages 55

SECTION 5. THE ANALYSIS OF LANGUAGE AND LANGUAGE USE AS PROVIDING A WINDOW INTO NON-LINGUISTIC COGNITIVE PROCESSES AND STRUCTURES 60

Tverdokhlebo O.G. Verbs subject-object dressing: the ways grammatical object design in isosemous designs 60

SECTION 1. MULTICULTURAL PAST AND PRESENT

UDC 81-2, 908

Leun E.V. The origin of the name Moscow. Analysis of the causes of its rise and transformation into the capital of Russia

Происхождение названия Москва. Лингвоисторический анализ причин её возвышения и превращения в столицу России

Leun Evgeniy Vladimirovich
Леун Евгений Владимирович

Abstract. The article presents the author's version of the origin of the name Moscow, connecting four syllables: "mo"+"os"+"ko"+"va" in connection with the characteristics of the terrain with many rivers and a cross-fault with an underground outlet flow of energy with the appearance of stable images of the Earth-mother, mother-the protector, or in its modern form the Motherland. After the baptism of Rus by the end of the Mongol-Tatar yoke after repeated protection higher powers this way connected with the virgin, her intercession and protection.

Given the Chronicles of natural disasters in Moscow, shows the most desirable radial-ring structure of building. It is proved that the historical reasons for the rise of Moscow, due to the predominance of the spiritual over the material reasons.

Keywords: the origin of the name Moscow, underground fault, the rise of Moscow, the rescue of Moscow from the Tatar-Mongol, radial-ring structure of building of Moscow.

Аннотация. В статье представлена авторская версия происхождения названия Москва, от соединения четырех слогов: «мо» + «ос» + «ко» + «ва» в связи с особенностями местности с множеством рек и крестообразным подземным разломом с выходящими потоками энергии с появившимися устойчивыми образами матери-Земли, матери-кормилицы, матери-защитницы или в современном её виде Родины-матери. После Крещения Руси и к концу татаро-монгольского ига после неоднократных заступничеств высших сил этот образ соединился с образом Богородицы, её покровами и защитой.

Приведены хроники природных катаклизмов в Москве, показана наиболее желательная радиально-кольцевая структура застройки. Доказывается, что исторические причины возвышения Москвы, обусловлены преобладанием духовных причин над материальными.

Ключевые слова: происхождение названия Москва, подземный разлом, возвышение Москвы, спасение Москвы от татаро-монгол, радиально-кольцевая структура застройки Москвы.

Введение

Почему же Кремлевский зародыш Москвы не только не исчез, но, несмотря на жестокие исторические напасти.... остался на своем корню и развился ... в могущественное государство?

Такие всемирно-исторические города, как Москва, зарождаются на своем месте не по прихоти какого-либо князя ... случая, но силою причин и обстоятельств более высшего или более глубокого порядка, для очевидности всегда сокрытого

Забелин И.Е. История города Москвы. От Юрия Долгорукого до Петра I.

В 2017 году будет отмечаться 870-летие Москвы (рис. 1) и ожидается, что празднование этого юбилея станет большим культурным событием в России с воспоминаниями и переосмыслением истории столицы, роли в жизни России, её светлых и темных страницы, начиная с первого упоминания, включая вопрос и происхождения названия. И эта статья может быть скромной вкладом в юбилейные мероприятия, посвященные этому знаменательному событию.

Рисунок 1. Москва: герб Москвы, общий вид на Красную площадь, Кремль и собор Василия Блаженного

1. О реальном возрасте Москвы

Известно, что первое летописное упоминание о Москве относится к 1147 г. и звучит так: *«И прислав Гюрги, и рече: «Приди ко мне, брате, в Москову». Святослав же еха к нему с делятем свои Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимира Святославича; Олег же еха наперед к Гюргеви, и да ему пардус. И приеха по нем отець его Святослав, и тако любезно целовастася, в день пяток, на Похвалу святей Богородицы, и тако быша весели. На утрий же день повеле Гюрги устроити обед силен, и створи честь велику им, и да Святославу дары многы, с любовию, и сынови его Олгови и Володимиру Святославичю, и муже Святославле. учреди, и тако отпусти и, и обещася Гюрги сына пустити ему, яко же и створи. Святослав же оттуда возвратися к Лобыньску».*

По расчетам эта встреча произошла 4 апреля 1147 г. [1]. Однако, есть свидетельства, что уже в середине IX в., т.е. за два столетия до первого упоминания о Москве в летописях, территория Москвы в разных частях была, заселена и связана с торговым обменом со странами Востока. И в этом нас убеждают находки в разных концах города арабских серебряных монет (диргем) IX в., найденные при устье ручья Черторыя (территория Дворца Советов) и у Симонова монастыря. Две такие монеты, найденные у ручья Черторыя, чеканены одна в 862 г., вторая в 866 г. [1].

Но одними из самых древних мест проживания человека, согласно археологическим раскопкам, следует считать Костенки (близ Воронежа, расстояние до Москвы - 500 км) и Сунгирь (близ Владимира, расстояние до Москвы - 186 км), с возрастом ~40 тыс. лет и ~25 тыс. лет соответственно. Это позволяет говорить о проживании людей на Русской равнине и, вероятно, на нынешней территории Москвы с древнейших времен.

Интересно то, что результаты этих и других исследований не могут объяснить, как небольшой городок, изначально расположенный вдали от крупных торговых путей, находясь в политической конкуренции с такими крупнейшими городами, столицами княжеств и торговыми центрами как Киев, Владимир, Тверь, Новгород, Рязань, начиная с середины XII века, не только возвысился над всеми ними, но и выступил собирателем

русских земель.

Данная статья посвящена поиску причин возвышения Москвы с учетом особенностей образования этого названия, которое, безусловно, должно отражать глубинную суть местности, её истории и судьбоносных событий X-XV веков.

2. Происхождение названия Москва

Итак, на сегодняшний день этимологии слова Москва до сих пор точно не установлена, имеет много вариантов и среди них выделяются балтийская, славянская и финно-угорская взаимно исключающие версии.

С авторской точки зрения топоним Москва возник из двух корней: «мос» и «ква» и в пользу такой версии говорит частое их использование в других топонимах. Первый корень «мос» является важным, но достаточно трудным для рассмотрения, поэтому исследование начнем с более простого корня «ква».

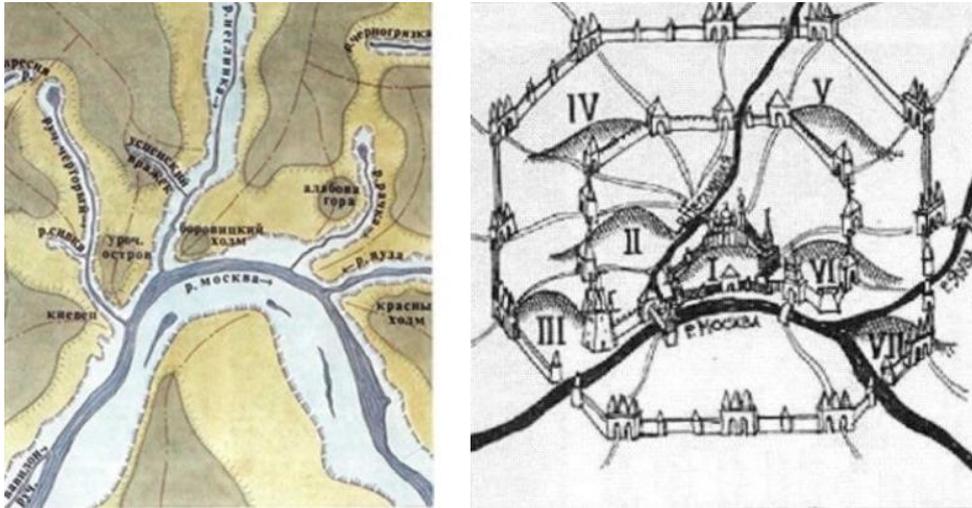
3. Происхождение корня «ква»

Поселение было основано на семи холмах в ареале множества рек, ручьев и притоков Москвы-реки (рис.2): Андреевские заразы (или Андреевский овраг), Барышиха, Жужа (Большой овраг), Йчка, Котловка, Ленивка, Напрудная (Рыбная, Синичка), Неглинка, Нищенка (Гравороновка, Граворна), Пресня, Рачка, Серебрянка (Измайловка, в древности — Робка), Сивка, Сосенка, Таракановка, Филька, Хапиловка, Химка, Ходынка, Чура (Семёновский овраг, Черторой, Бекетовка), Яуза; а также ручьи Вавилон, Коломенский ручей и заболоченные Кулижки.

Издревле слог «ва» связан с рекой, как например, и в других случаях: Айнова, Болва, Гайва, Емьева, Евва, Кожва, Кува, Лозьва, Нева, Сосьва. [2,3].

Слог «ка» и близкий к нему слог «ко» связаны с домом (городищем), домашним бытом [3,4] и чаще всего встречается в названиях домашних животных: корова, конь, курица, кот/кошка, козел, собака. И слово «кова» образованное соединением слогов «ко» и «ва», распространенное среда гидронимов (Кова, Ковакса, Ковач, Коваши) означает «река с домом-святилищем на её берегу, т.е. река (на берегу которой располагался культовый

объект - языческое святилище, капище) [3].

а)

б)

Рисунок 2 Ареал Москвы-реки в древние времена (а) и древний вид города Москвы на семи холмах (б): I - Боровицкий холм (здесь находится Кремль), II - Ваганьковский холм, III - Чертольский холм, IV - Тверской холм, V - Ивановская горка, VI - Псковская горка, VII - Швивая (или Вшивая) горка.

За счет неполногласного сочетания, широко распространенного в русском языке, например, в таких словах, как: голова-глава, голос-глас, город-град, берег-брег, молоко-млеко слово «кова» изменилось к форме «ква»:

$$\langle\text{ко}\rangle + \langle\text{ва}\rangle \rightarrow \langle\text{кова}\rangle \rightarrow \langle\text{ква}\rangle.$$

Такую версию подтверждают несколько других гидронимов: Каква, Морква, Церква, Шаква.

4. Происхождение корня «мос»

Корень «мос» в своей основе близок корням «рас/рос/рус» в таких словах Рассея, Россия, Русь, как показала история, является таким же важным и судьбоносным. Он возник от соединения слогов семейства «ма/мо» и «ос» с выпадением за счет эллизии одной гласной по следующей схеме:

$$\langle\text{ма/мо}\rangle + \langle\text{ос}\rangle \rightarrow \langle\text{маос/моос}\rangle \rightarrow \langle\text{мас/мос}\rangle.$$

При этом слоги семейства «ма/мо» издревле во всех культурах и языках означали материнское начало, материальное, землю, земное и связано с устойчивыми образами матери-Земли, матери-кормилицы, матери-защитницы или в современном её виде Родины-матери. После Крещения Руси этот образ неразрывно стал связан с Богородицей, её покровами, защитой.

Слог «ос» является представителем семейства слогов Ас/Ос, являющимся таким же древним, как и «ма/мо», и унаследовал память о сакральном символе протославянских племен или даже Гипербореи [5] в виде т.н. понятия, образа оси, мирового древа (или древа миров), образа самого важного, главного, центрального, от которого позже возникли слова, вошедшие в наш современный обиход [6]: ас, восемь (др.-рус. - осемь), оса, основа, ось, осетины, осень, осетр, осина острый, остяки и топонимы: Азия, Останкино, Остоженка, Осташков, Осташёво, Осково, Эстония. Вероятно, название отражает особенности, а часто и глубинную суть места или ценности народа, племени, там проживающих.

Появившиеся современные концепции реконструкции древнейшего словообразования показывают [7], что в древнее время словообразование, осуществлявшееся в рунической форме [8,9] и для семейства Ас/Ос эту схему можно представить в следующем виде:

$$\square + \text{Ас/Ос} \rightarrow \square\text{Ас}/\square\text{Ос}, \quad (1)$$

где \square – руна, ставшая позже буквой и частью корня.

Можно предположить, что подобным образом в соответствии с формулой (1) были созданы и другие топонимы:

с использованием слога Ра (языческий Бог Ра)

$$\begin{array}{l} \text{Ра} + \text{Ос} \quad \rightarrow < \quad \rightarrow \dots \rightarrow \text{Рассея, Россия, Рось, Русь} \\ \quad \quad \quad \quad \quad \rightarrow < \quad \rightarrow \dots \rightarrow \text{Ростов, Раскова} \end{array}$$

с использованием руны/буквы «в»

$$\text{в} + \text{Ос} \rightarrow \quad \rightarrow \dots \rightarrow \text{Воскова} \rightarrow \text{Восково}$$

с использованием руны/буквы «с»

с + Ас → →→ Сасово

с использованием слога «по»

по + Ос → →→ Поскова → Псков

с использованием руны/буквы «н»

х + Ос → →→ Носкова → Носково

с использованием руны/буквы «х»

х + Ас → →→ Хаскова

Таким образом, слово «мос» несет смыслы оси матери-земли, её основы, основной центральной земли, земли в центре, центра («пупа») земли и др. основа, которой устремлена, отстаивает и несет принципы согласия и мира, покоя и воли, справедливости, чистоты и добра. И смысл названия Москва можно трактовать как «река со святилищем на берегу, являющаяся материнским центром («пупом»), осью, основой земли», содержащая вышеперечисленные принципы.

5. Геологические особенности территории Москвы

Смыслы «основы земли, основной/центральной земли, земли в центре центра («пупа») земли» становится понятнее после того, как стало известно, что Москва стоит на территории различного рода земных разломов, карстовых пещер, пустотных образований в структурах подстилающих скальных пород, которые находятся под верхним слоем Земли. Геологическими исследованиями определено [10], что с запада на восток центр Москвы, включающий районы Кремля, Варварки, Ильинки, Зарядья, Замоскворечья, Китай-города, нынешней Лубянки, Старой и Новой площадей, и пересекает мощнейший древний разлом, а с Юго/Юго-Запада на Север/Северо-Восток такой же гигантский разлом, тоже через центр города на вышеуказанных территориях, образуя крест. Именно по этим разломам из недр планеты поступает поток энергии, который и формирует бурные атмосферные процессы. Московский Кремль был построен на Боровицком холме, прямо на языческом капище рядом с пересечениями

разломов, проходящими через Красную и Манежную площади.

6. Исторические хроники природных катаклизмов в Москве

Особенности геологического строения территории Москвы наиболее четко проявляются в особенностях погоды, а именно, природных катаклизмов, которые подкрепляется историческими хрониками Москвы в течение почти 700 лет [10].

В Троицкой летописи за 1280 г. в Москве отмечены небывалые ураганы и грозы («много людей изби гром»). В XIII веке на 40 лет установилась экстремальная эпоха. «Бушуют бури, во время которых гибнет множество людей и скота (1280, 1299, 1300). Ураганные порывы ветра поднимают в воздух многие дворы и уносят их вместе с людьми и всем бытом» Свирепствуют пожары. «3 мая 1331 г. сгорел Кремль». В 1337 г. в Москве «все погоре и тогда же наиде дождь силен». 1365 г.: «загорелся город Москва... от Чертопорью погорел посад весь и Кремль и Заречье». Подобное же случилось 21 июля 1389 г., в 1396 г. В периоды таких тектонических проявлений в Москве стояли полярные сияния: «от полунощи и до свети явились огненные столпы, а конец их вверху яки кровь». Москва при этом опять дотла сгорала (1401). Часто в те же годы и на тех же местах случались землетрясения: «Тоя же осени, 1446 г., октября 1 день, в час ноци той потрясея град Москва, Кремль и посад и храмы поколебашася».

На том холме, где исстари строилась Москва, на кресте разломов экстремальные явления протекали весьма бурно. «1460 г. 13 июля в 6 час дня с запада появилась очень грозная и темная туча и началась необычайно сильная буря. Буря разрушила много зданий... от страшной бури, порывов ветра, раскатов грома и молнии тряслась земля». Такое же случилось и в 1469 г. 30 августа – сильная буря с градом и грозой: «горящие головни и бересту добре далече носило за много верст». Москва вновь сгорела вся.

Бурная активность недр проявилась землетрясением в 1471 г. На другой год 20 июля «буря была вельми велика, огонь метало за семь дворов более. С церковей и хором слетали крыши». Пожар. Тектоника просто разбушевалась: 1474 г., весной был «трус в граде Москве... Во время землетрясения рухнула почти достроенная церковь Св.

Богородицы. Потряслись все храмы, и колебалась земля». Зимой и осенью возникли полярные сияния. Буря 1477 г. 1 сентября с грозой: «был гром великий зело». От ударов молнии упали «глава церкви и шея и земля поколебалась от гремящего страшного».

В 1481-1486 гг. Москва горела ежегодно, в 1493 г страшные пожары 15 апреля, 6, 16 и 28 июля во время сильного ветра сгорела большая часть города. В 1495 и 1507 гг. горели «люди и животы нечисленно». То же случилось в 1530 г. Особенным выдался пожар 21 июня 1547 г. во время бури: «бысть буря велика и потече огонь якоже молния». Три года в городе стояли полярные сияния. Бури с пожарами 1565 г. – Неглинка, 1566 г. – взошла туча темна и стала красная как огненная»; 1584, 1591, 1594, 1599 гг.: «в Китае-городе выгорели все дворы и лавки во всех рядах без остатку и на городке кровли. И не избыть в Китае-городе ничто от того пожару, ни един дом».

Необычная буря 1604 г., причем «на Москве среди лета выпал снег велики и мороз был...». Полярное сияние в феврале 1626 г., а затем пожары. Бури и пожары 1631, 1633, 1649 гг.: «Большой пожар, в результате которого не осталось в Белом городе ни единого кола». Это в каменном-то городе! Нетрудно заметить, что напастям подвержена не часть города к западу от Кремля, но к востоку – на разломах. Здесь в узле разломов скачкообразно вздыбливаются атмосферные процессы, тучи вдруг становятся кровавыми, ионизируется среда, даже сполохи сияний «вверху, яки кровь». А ведь пожар в Морфлоте, на Софийской набережной напротив Кремля, в гостинице «Россия», пожары во многих других местах – того же характера процесс ионизации среды, воспламенения от излучений в местах разломов, резкое повышение температуры до «плавления меди колоколов в 170 пуд мгновенно», причем горит камень, лестничные пролеты, в Кремле камни в стене накалялись докрасна. Огонь распространялся мгновенно и по спирали.

Разрушительная сила подобных природных явлений уменьшилась после введения радиально-кольцевой застройки Москвы, устранившего дисбалансы выхода природных энергий по предложению Якова Брюса, сподвижника Петра I, после одного из пожаров,

уничтожившего в очередной раз всю Москву.

Тем не менее природные катаклизмы наблюдались в Москве и позже. 29 июня 1904 года в 17 часов смерч в Москве вырвал с корнем и перекрутил все деревья (некоторые до метра в охвате) Анненгофской роши, нанёс ущерб многим районам, высосал воду из Москвы-реки, обнажив её дно. Выпал град небывалых размеров; отдельные градины, имевшие форму звезды, достигали 400-600 граммов. Прямое попадание такой градины убивало на месте, перерубало толстые ветви деревьев. Количество жертв превышало сто человек, раненых насчитали 233.

Разрушительные смерчи отмечались также в 1927, 1945, 1951, 1956 и 1957 годах, подводя к выводу о том, что «центральные области нашей страны действительно являются центром значительной деятельности смерчей» [11].

Во второй половине дня 9 июня 1984 года через Московскую, Калининскую, Ярославскую, Ивановскую и Костромскую области прошли смерчи чудовищной силы (Категория 5). Наиболее мощный смерч наблюдался в Иванове, снеся с рельсов вагоны, приподнимая, многократно перевортывая и отбрасывая в сторону автомобили, автобусы, троллейбусы. Бак водонапорной башни весом 50 тонн был отброшен на 200 метров в сторону.

7. Становление Москвы центром Руси и третьим Римом

В 988 году после Крещения Руси Киев становится в ряду столиц христианских стран Европы. Менее чем через 200 лет в результате похода Андрея Боголюбского на Киев в 1169 году происходит перенесение великого княжения во Владимир и после эпохи Киевской Руси начинается эпоха Владимирской Руси. Расстояние между Владимиром и Москвой. И в 1325 году из Владимира в Москву, удаленного всего почти на 200 км, переносится резиденция митрополита Петра, начиная новую эпоху Московской Руси (рис.3).

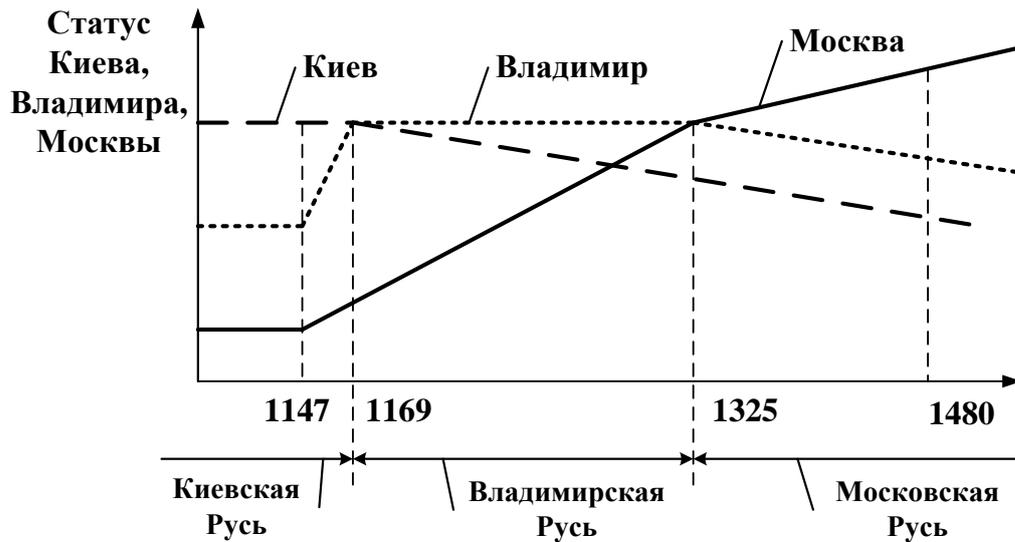

Рисунок 3. Диаграмма изменений статуса Киева, Владимира и Москвы в первой половине II тысячелетия

С авторской точки зрения в причинах возвышение Москвы можно увидеть преобладание духовных причин над материальными. Изначально Москва не была в центре торговых путей, уступая в этом Киеву, Твери и другим городам, но не это стало главным и история Руси как-будто сама вывела Москву на центральное место. Это началось на фоне судьбоносных событий в русских княжествах: Крещение Руси, междоусобные войны (длившиеся даже и при татаро-монгольском нашествии), усилившие центробежные тенденции, татаро-монгольское нашествие, Куликовская битва, полное освобождение от татаро-монгольского ига после стояния на Угре, появление Московского царства.

Все эти, в основном трагические, события содержат глубинные последствия духовного характера, формируя у жителей Москвы в течение длительного времени понимания, что максимальная сила дается в чистоте (помыслов, слов и дел) и устойчивых чувств: настрой и устремление к гармонии и покою, поиск справедливости, доброте, восприятия Божьей воли и др. В противовес в Киеве и других княжествах во времена междоусобицы хозяйничали низкие духовные качества, приводящие к разрухе и опустошению.

Например, известно, что «основной добычей совершавших междоусобные набеги русских князей были пленные для продажи в рабство, и как следствие этого, важнейшей статьёй экспорта Руси в XII — к началу XIII в. стала работорговля - вывоз рабов-соотечественников за рубеж. Продавали и перепродавали и ремесленников, и как наиболее ценный «экспортный товар» уходили массами мастера-ремесленники из Русской земли [12,13].

Важный вклад в формировании духовного уклада русских людей формируют многочисленные чудесные, мистические, божественные явления. К ним следует отнести историю о спасении града Китежа, духовной роли Сергия Радонежского, Троице-Сергиевой Лавры и благодатной помощи «Донской» иконы Божией Матери в победе на Куликовом поле, «Владимирской» иконы Божией Матери, явившей свою благодатную помощь при междоусобице, при защите от нашествий Тамерлана (1395 г.), ордынского ханов Едигея (1408 г.), ногайского царевича Мазовши (1451 г.), посягательств на русскую землю хана Седи-Ахмета (1459 г.), хана Ахмета (стояние на Угре в 1480 г.).

Это не могло не повлиять на поляризацию сознания людей деля их на светлых, в центре которых постепенно к 1380 г. и Куликовской битве стали москвиты и татаро-монгол, как исчадие ада. Также повлияло на восприятие некоторой исключительности Москвы, нахождение под защитой и покровами Богородицы, пока непостижимым предназначением её в судьбах России, реально выводя её в центр Руси, ставя сакральное, духовное выше материального.

К Куликовской битве в 1380 г., т.е. всего через 230 лет после первого упоминания Москвы (1147 г.) в качестве небольшого города её статус уже вероятно обозначить как «первая среди равных». А еще через 100 лет при Иване III Великом, князе Московском, государе всея Руси, освободившим Русь от татаро-монгольского нашествия, статус Москвы уже не имел равных. Все это происходит на фоне разрушительной феодальной междоусобицы русских княжеств, продолжается жестоким татаро-монгольским игом с многочисленными полными разрушениями Москвы, политической, военной и торговой

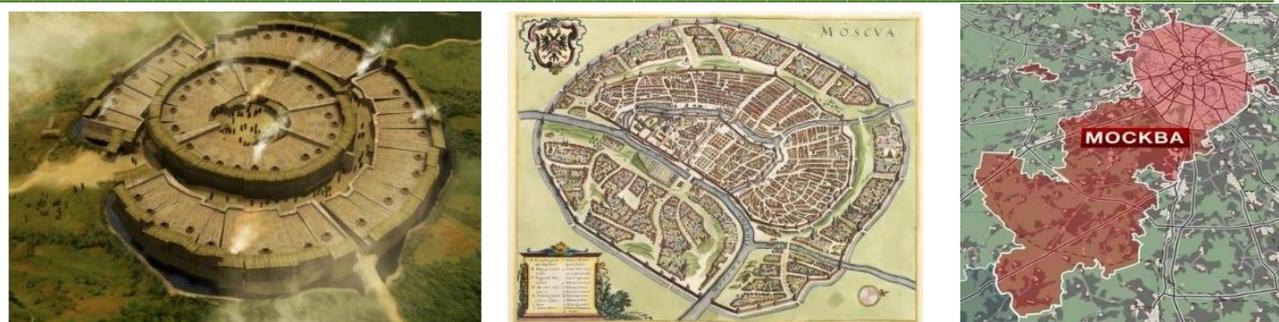
конкуренции с Киевом, Владимиром, Тверью, Новгородом, Рязань с другими городами с более худшими начальными условиями, обусловленными удаленностью от главных торговых речных путей и естественных природных катаклизмов: от пожаров до бурь, ураганов, смерчей и землетрясений.

Поэтому можно говорить об удивительном соединении природной необычайной силы энергетике земли Москвы в качестве матери-кормилице и Божественными покровами Богородицы. Итогом этого политического роста города можно считать закономерное провозглашение Москвы третьим Римом, политическим и религиозным центром Европы.

Также стоит отметить, что возвышение Москвы по времени совпадает с появлением на карте мира самой большой Монгольской империи. Её территория близка к территории СССР со странами социалистического лагеря, возникшей через почти VII веков после первой. Наверно и в этом тоже можно увидеть промысел Божий.

8. Радиально-кольцевая форма Москвы

Как показано выше радиально-кольцевой принцип построения Москвы является наиболее гармоничным, минимизируя природные катаклизмы, связанные с особенностью территории. И археологические исследования подтверждают, что подобный принцип был реализован в Аркаиме (Челябинская область), укрепленном поселении т.н. «Страны городов» эпохи средней бронзы рубежа III-II тыс. до н.э. Исследователь древностей Александр Асов, сопоставив план карты Аркаима (рис.4а) и древней Москвы (рис.4б), обнаружил их полную похожесть. По его мнению, поселение, возникшее где-то в IV тысячелетии до н.э. ставшее Москвой, когда-то тоже было сакральным центром арийских и протославянских родов выполняло те же функции, что и Аркаим. Ведь она, как и святилище древних ариев, ориентирована на звезды.

а)

б)

в)

Рисунок 4. Радиально-кольцевая структура Аркаима (а) и Москвы (б), а также форма Москвы (в) после её расширения.

В связи с этим, можно предположить, что такая энергетическая основа сакральных городов позволяет ответить и на вопрос о причинах покидания их жителями. Вероятно, все дело в том, что энергетика местности слабеет или она начинает сильно отличаться от духа, сути времени и жители вынуждены мигрировать к другому или новому более мощному и современному энергетическому центру. Поэтому нельзя исключать того, что конечной точкой миграции для части потомков жителей Аркаима и стала Москва, в итоге выросшая до столицы могущественного государства, политического и религиозного центра Европы, провозгласившей себя Третьим Римом.

Можно предположить, что существующая ныне радиально-кольцевая структура застройки Москвы восстановила его древнюю форму. Планировка столицы соответствовала зодиакальной карте звёздного неба. От Кремля в центре города расходились лучами 12 основных улиц, поделивших город на сектора, которым соответствует 12 знаков зодиака. При Сталине деление Москвы на 12 зодиакальных зон было перенесено и под землю, в частности, на метрополитен созданием кольцевой линии метро с 12 станциями.

Поэтому появившийся проект "Новая Москва" по её административному расширению приведет к сильному изменению формы будущего мегаполиса в виде вытянутой "большой грязной кляксы" с резко изрезанными границами. От этого возникнет дисбаланс распределения природных энергий с учащением частоты и

увеличением силы природных катаклизмов в Москве и оттоком людей с возможной перспективой потери статуса столицы России в будущем.

Заключение

1. Гидроним Москва создан за счет соединения четырех древнейших слогов, морфем: «мо» + «ос» + «ко» + «ва» с общим смыслом «река со святилищем на берегу, являющаяся материнским центром, пупом, осью, основой земли». Образ Москвы с древнейших времен связан с крестообразным подземным разломом на этом месте, выходящими потоками энергии и со сформировавшимися устойчивыми образами матери-Земли, матери-кормилицы, матери-защитницы или в современном её виде Родины-матери. После Крещения Руси и к концу татаро-монгольского ига после неоднократных заступничеств высших сил этот образ соединился с образом Богородицы, её покровами и защитой.

2. Быстрое возвышение Москвы до статуса «первой среди равных» за 230 лет с момента первого упоминания (1147 г.) до Куликовской битвы (1380 г.) и еще за 100 лет (1480 г.) до статуса, уже не имеющей равных с прежними центрами: Киевом, Владимиром, Тверью, Новгородом, Рязанью и другими городами обусловлено преобладанием духовных причин над материальными. В значительной степени это вызвано тяжелейшими испытаниями, павшими на Русь, в первую очередь из-за татаро-монгольского ига и сочетанием причин:

- резкой поляризацией сознания многих людей с представлением, что татаро-монголы – «исчадие ада» и пониманием, что максимальная сила дается в чистоте (помыслов, слов и дел) и устойчивых чувств: настрой и устремление к гармонии и покою, поиск справедливости, доброты, восприятия Божьей воли и др.,

- Богом, избранным местом, явленным как природной сильной энергетикой места в виде крестообразного земного разлома, так и через многочисленные спасения Москвы святым Сергием Радонежским, Троице-Сергиевой Лаврой и благодатной помощи «Донской» и «Владимирской» икон Божией Матери.

3. Выходящие земные потоки энергии создают условия для проявления в Москве сильных и разрушительных чрезвычайных ситуаций в виде пожаров, ураганов, бурь и даже землетрясений. Одним из основных условий уменьшения этих разрушительных явлений является радиально-кольцевая структура застройки Москвы, позволяющая сбалансировать выход энергий по всем направлениям. Такая радиально-кольцевая структура застройки городов характерна для обнаруженных археологами древних городов, таких как Аркаим.

4. Нарушение радиально-кольцевой структуры застройки Москвы, которое произойдет при её расширении, может привести к дисбалансам выходящих природных энергий и, как следствие, к учащению и усилению природных катаклизмов, а в длительной перспективе и потери статуса столицы России.

References

1. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII-XV вв. М., 1947.
2. Тюняев А.А., Чудинов. В.А., Миронова Е.А. Праязык (опыт реконструкции) том 1 (2). – М.: Белые альвы, 2010 г.
3. Игнатов М.Д. Вопросы происхождения топоформантов –ым, -им, -ум, -ом, -вом, -вум в Коми топонимии. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12061283>
4. Гусейн-Заде М.Г., Львов Е.В. Общность слогов семейства «Ко/Ка», участвующих в словообразовании языков, со словами «Ко», «Ка» талышского языка. Одесса т.23, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/833.pdf>
5. Логинов Д. Гиперборейская вера руссов. Фаир-Пресс. 2003 г. 400 с.
6. Леун Е.В. Участие слогов семейства ос, ас в словообразовании языков, X межд. НТК «Динамика систем...», 15-17 ноября №1, 2016, т.4, с.392-396.

7. Львов Е.В. В поисках древнейших корней русского языка. Политические мистерии в России. М., Профessional, 2013, 382с.
8. Чудинов В.А. Русские руны.-М.: Альва-Первая, 2006.-336 с., ил.
9. Асов А.И. Руны, знаки и мистерии славян. — М: Вече, 2008. 382 с.
10. Писаренко Д. Аргументы и факты, Москва № 49 (595) от 8 декабря 2004 г. «АиФ»: <http://without-answer.livejournal.com/289644.html>
11. Наливкин Д.В. Ураганы, бури и смерчи. Географические особенности и геологическая деятельность. М., Наука,1969.
12. История культуры древней Руси. Т.1. Домонгольский период. Материальная культура. Издательство Академии наук СССР. М.-Л.1951.
13. Еникеев Г.Р. Корона Ордынской империи, или Татарского ига не было. М.: Эксмо, 2011

SECTION 2. LANGUAGE, IDENTITY AND CULTURE

UDC 811.161.1

Salimova L. Plug-in constructions as features of the style linguistic personality's of Yu. Lotman's

Вставные конструкции как особенности стиля языковой личности
Ю. Лотмана

Salimova Lira,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of
Russian Language and Teaching Methods,
Bashkir State University

Салимова Лира,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и методики его преподавания,
Башкирский государственный университет

Abstract: The article offers a linguistic and cultural analysis of plug-in constructions of the material of «Dialogues of the Russian culture» by Ju. Lotman. The appeal to plug-in construction brightly characterizes Yu. Lotman as a linguistic personality.

Keywords: linguoculturology, linguistic personality, plug-in structure, style.

Аннотация: В статье предлагается лингвокультурологический анализ вставных конструкций на материале «Бесед о русской культуре» Ю. Лотмана. Обращение к вставным конструкциям ярко характеризует Ю. Лотмана как языковую личность.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, вставная конструкция, стиль.

В отечественной науке изучение проблемы языковой личности осуществляется традиционно на материале лексем, концептов и их объединений. Так называемый «грамматический» уровень языковой личности в качестве объекта исследования в настоящее время, на наш взгляд, представлен недостаточно широко. Мы полагаем, что лингвокультурологический подход к изучению особенностей использования синтаксических конструкций может раскрыть новые возможности для всестороннего описания языковой личности.

Носитель языка в определенной степени вынужден довольствоваться известными моделями словосочетаний и предложений. Полноценная языковая личность осознанно осуществляет выбор тех единиц, которые, как она считает, наиболее ярко передают ее

индивидуальность. Учтем при этом, что «... необходимость высказаться, стремление воздействовать на реципиента письменным текстом, потребность в дополнительной аргументации, желание получить информацию (от коммуниканта или из текста) и т. п. личностные, так же как аналогичные и более масштабные общественные потребности, диктуются экстра-, прагмалингвистическими причинами» [1, с. 53]. К единицам, обращению к которым может быть обусловлено названными причинами, следует отнести вставные, или вставочные, конструкции. По нашему мнению, при описании языковой личности они также нуждаются в освещении. В настоящей статье мы рассмотрим возможности лингвокультурологического анализа вставных конструкций на примере обращения к ним Ю. М. Лотмана (1922 – 1993) – выдающегося отечественного ученого, филолога и культуролога, основателя Тартуской семиотической школы, автора книг об А. С. Пушкине, А. Н. Радищеве, Н. М. Карамзине и др., а также получивших широкую известность «Бесед о русской культуре».

Обращение к книге «Беседы о русской культуре» Ю. М. Лотмана [2] обусловлено особенностями самого текста. С одной стороны, этот труд, ставший итогом многолетнего изучения эпохи рубежа XVIII – XIX вв., представляет собой попытку элитарной языковой личности [4] познакомить современников – средних носителей языка с культурой того времени. Отсюда – не свойственное ученым стремление Ю. М. Лотмана к упрощению языка, использованию понятных всем языковых единиц. С другой стороны, рассматриваемый нами текст, записанный под диктовку тяжело больного автора уже после выхода в эфир цикла одноименных телевизионных передач на канале «Культура», может быть назван вторичным, сочетающим в себе элементы как письменной, так и устной речи. Как следствие, возникают трудности в определении у произведения стилистической принадлежности, «пограничной» между научным и публицистическим стилями (что вынуждает нас рассматривать «Беседы о русской культуре» как пример научно-популярного или научно-публицистического текста), с отдельными вкраплениями разговорных элементов. Этими факторами, прежде всего, и

предопределяется, полагаем, зафиксированное нами многочисленное использование Ю. М. Лотманом в ходе повествования вставных конструкций.

Анализ текстового материала убеждает нас в том, что целью обращения автора к вставным конструкциям было желание облегчить читателю процесс понимания передаваемой информации: «Мы знаем случаи, когда “ношение неприличной дворянину одежды” (то есть крестьянского платья) [курсив мой – Л. С.] или также “неприличной дворянину” бороды делались предметом тревоги политической полиции и самого императора» [2, с. 6].

Принято считать, что вставные конструкции «... производят впечатление незапланированных, и это создает условия для их актуализации» [5, с. 417]. Подтверждением этому в тексте Лотмана может служить необыкновенная легкость в обращении с вставными конструкциями, что демонстрирует высокий уровень владения автором коммуникативными навыками. Особенно это заметно, когда вставная конструкция структурно представляет собой сложные словосочетания, предложения или их часть: «Принятые в России “французские” карты (несмотря на название, изготавливались они в середине XVIII века в Германии, а позже для игральных карт было организовано русское производство) [курсив мой – Л. С.] производились в трех видах...» [2, с. 155].

Избранная Ю. М. Лотманом форма включения вставных конструкций (преимущественно – в скобках, редко – с помощью двойного тире) особенно привлекает внимание читателя, сигнализирует ему о том, что здесь содержится отнюдь не маловажное попутное замечание, а ценная для автора и актуальная для понимания основного текста информация: «О том, что речь идет не о простом отсутствии интереса к танцам, а о выборе типа поведения, для которого отказ от танцев – лишь знак, свидетельствует то, что “серьезные” молодые люди 1818–1819 годов (а под влиянием поведения декабристов “серьезность” входит в моду, захватывая более широкий ареал, чем непосредственный круг членов тайного обществ) [курсив мой – Л. С.] ездят на балы,

чтобы там не танцевать» [2, с. 366]. Отметим, что вставные конструкции в приведенном и других примерах из «Бесед о русской культуре» нельзя признать оторванными от синтаксической структуры основного текста. Несомненно, это можно расценивать как еще одно свидетельство того, какое важное значение придает автор своим высказываниям, представленным в тексте в виде вставных конструкций.

Семантика вставных конструкций в тексте «Бесед о русской культуре» позволяет вновь незримо ощутить влияние личности Ю. М. Лотмана.

Так, на первом месте по частоте обращения стоят те вставные конструкции, в которых выражается отношение автора к сообщаемому: «Война в общей системе культуры наполеоновской эпохи была огромным зрелищным действием (конечно, не только и не столько им) [курсив мой – Л. С.]» [2, с. 185]; «Для нас сейчас интересны не политические и государственные аспекты этого события (кстати, хорошо выясненные в научной литературе) [курсив мой – Л. С.], а характер личного поведения государя в этих условиях» [2, с. 195].

На втором месте по частотности – вставные конструкции, представляющие собой комментирование основного текста, наглядно демонстрирующее умение автора пользоваться возможностями разных стилей ради достижения адекватного декодирования текста читателем: «”Театр” Александра I был тесно связан с его стилем решения политических проблем: он в принципе не отличал государственных интересов от своих личных и систематически трансформировал отношения политические в личные (в этом смысле, несмотря на мягкость характера Александра Павловича, он придерживался последовательно деспотической системы и был настоящим сыном своего отца) [курсив мой – Л. С.]» [2, с. 197]. В эту группу вставных конструкций можно отнести и те, в которых содержится лингвокультурологическое толкование, разъяснение лексем: «... Расшитый, сверкающий золотом или серебром гусарский, сине-красный уланский, белый (парадный) [курсив мой – Л. С.] конногвардейский мундир был красивее, чем бархатный кафтан щеголя или синий фрак англомана» [2, с. 25]; «Дуэль

начиналась с вызова. Ему, как правило, предшествовало столкновение, в результате которого какая-либо сторона считала себя оскорбленной и в качестве таковой требовала удовлетворения (сатисфакции) [курсив мой – Л. С.]» [2, с. 169].

Далее, языковая личность Ю. М. Лотмана ярко проявляется во вставных конструкциях, в которых указывается какой-либо прецедентный феномен (имя, текст, высказывание, ситуация): «Следует учитывать, что неписанные правила русской дуэли конца XVIII — начала XIX века были значительно более суровыми, чем, например, во Франции, а с характером узаконенной актом 13 мая 1894 года поздней русской дуэли (см. «Поединок» А. И. Куприна) [курсив мой – Л. С.] вообще не могли идти ни в какое сравнение» [2, с. 175-176]; «Именно здесь мы подходим к сущности того, какой конфликт моделировался в русской жизни интересующей нас эпохи средствами азартных игр и почему эти игры превращались в страсть целых поколений (см. признание Пушкина Вульффу: «Страсть к игре есть самая сильная из страстей») [курсив мой – Л. С.] и настойчиво повторяющийся мотив литературы» [2, с. 141]; «Здесь активизируются другие функции карт: прогнозирующая («что будет, чем сердце успокоится») [курсив мой – Л. С.] и программирующая» [2, с. 137] и т. д. Сюда можно отнести и те конструкции, в которых при использовании цитаты указывается автор, чье имя, возможно, не выступает в качестве прецедентного для среднего носителя языка: «Некоторыми исследователями отмечалось уже, что “неоклассицизм” был, несмотря на свои декларации, по сути дела, замаскированным романтизмом (Г. А. Гуковский) [курсив мой – Л. С.]» [2, с. 182]. Отметим, что в составе вставной конструкции прецедентный феномен вводится в текст ненавязчиво и уважительно по отношению к читателю.

Стилистические функции вставных конструкций [3, с. 647] в «Беседах о русской культуре» определяются прежде всего намерением автора вызвать реципиента на своеобразный мысленный диалог, сделав сам процесс общения наиболее комфортным.

Читатель ощущает непосредственное обращение к себе именно во вставных

конструкциях. Так, Ю. М. Лотман, используя книжную лексику, заботится о том, чтобы она была правильно понята («Декорации эти – произведения высокого живописного искусства с исключительно богатой и сложной игрой художественных пространств (все они представляют собой фантастические архитектурные композиции) [курсив мой – Л. С.]» [2, с. 200]). С этой же целью автор старается использовать известные современному носителю языка лексемы, в отдельных случаях – в составе синонимического ряда («Впрочем, если дворянин действительно никогда не служил (а это мог себе позволить только магнат, сын знатнейшего вельможи, основное время проживающий за границей) [курсив мой – Л. С.], то, как правило, родня устраивала ему фиктивную службу...» [2, с. 29]).

Синтаксические структуры вставных конструкций в «Беседах о русской культуре» разнообразны – от одного слова до осложненных простых и сложных предложений («Определение вальса как “безумного” имеет другой смысл: вальс, несмотря на всеобщее распространение (Л. Петровский считает, что “излишне было бы описывать, каким образом вальс вообще танцуется, ибо нет почти ни одного человека, который бы сам не танцевал его или не видел, как танцуется”) [курсив мой – Л. С.], пользовался в 1820-е годы репутацией непристойного или, по крайней мере, излишне вольного танца» [2, с. 94-95]).

Эмоционально-экспрессивная окраска как признак равнодушного отношения Ю. М. Лотмана к сообщаемому представлена во вставных конструкциях как на лексическом («Можно было бы сказать, что популярность “коцебятины” (презрительное название, данное последователями классицизма драматургии Коцебу) [курсив мой – Л. С.] питалась только культурной неискующенностью зрителей» [2, с. 191]), так и на синтаксическом («В мхатовской постановке “Горя от ума” роль Скалозуба исполнял Л. М. Леонидов, загримированный под пятидесятилетнего генерала (у Грибоедова — полковник!) [курсив мой – Л. С.], тучного, с крашеными волосами» [2, с. 128-129]) уровнях.

Таким образом, изучение вставных конструкций в тексте «Бесед о русской культуре» позволяет отметить несколько важных особенностей.

Во-первых, вставные конструкции играют в «Беседах о русской культуре» особую, значимую для Ю. М. Лотмана, роль. Об этом свидетельствуют, помимо вышеперечисленного, и такие параметры, как количество и объем. Даже в рамках одного предложения Ю. М. Лотман считает необходимым включение двух-трех вставных конструкций. В отдельных случаях объем информации, представленной во вставной конструкции, больше объема той, что дается в основном тексте предложения.

Во-вторых, вставные конструкции в «Беседах о русской культуре», выполняя стилеобразующую функцию, становятся ярким элементом стиля языковой личности Ю. М. Лотмана. Примечательно, что Ю. М. Лотман, предстающий перед читателями элитарной языковой личностью, в полной мере использующей пространство текста для самовыражения, тем не менее, придает большое значение использованию вставных конструкций. Смеем предположить, что именно они выступают в тексте «мостиком» между автором и читателем как носителями различных типов речевой культуры.

В заключение сделаем вывод о том, что, как показывают наши наблюдения, лингвокультурологический подход к описанию вставных конструкций открывает новые перспективные возможности для изучения языковой личности автора текста.

References

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX в. – СПб.: Искусство–СПб, 1997. – 399 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Розенталь Д. Э. Универсальный справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Практическая стилистика. – М.: Мир и Образование, 2016. – 704 с.

4. Салимова Л. М. Ученый-филолог как элитарная языковая личность: лингвокультурологический подход к изучению // Современная языковая личность: типы порождаемых текстов и методы их изучения: Монография / Под ред. Е. В. Грудевой. – Новосибирск: СибАК, 2014. – 196 с. – С. 10-29.

5. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. – Ч. 2.: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 704 с.

SECTION 3. LANGUAGE, CULTURE AND TRANSLATION

UDC 811.111:81'25

Dzhabrailova V.S., Perekalin M.S. On conveying expressive aspect of a statement as translated from English into Russian (evidence from American election debate)

Передача экспрессивного потенциала высказывания при переводе с английского языка на русский (на материале американского предвыборного дискурса)

Dzhabrailova Valida Saidovna,

Ph.D, Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Moscow State University of Humanities and Economics

Perekalin Mikhail Sergeevich,

Foreign languages department student
Moscow State University of Humanities and Economics

Джабраилова Валида Саидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Московский
государственный гуманитарно-экономический университет

Перекалин Михаил Сергеевич,

студент факультета иностранных языков,
Московский государственный гуманитарно-экономический университет

Abstract: The article deals with expressiveness as a linguistic phenomenon, studying its varieties in the English language political discourse and ways of its rendering when translated into Russian. The authors focus on mechanism of regulatory effect and conclude that mistakes in translation can be due to a translator's inability to recognize all the components of expressiveness.

Keywords: expressiveness, political discourse, expressivity, emotiveness, regulatory effect.

Аннотация: В данной статье анализируется природа лингвистического явления «экспрессивность», виды её репрезентации в тексте англоязычных политических дебатов и способах её передачи при переводе на русский язык. Особенное внимание уделено механизму регулятивного воздействия экспрессии на реципиента. По итогам исследования авторы приходят к мнению о том, что причиной ошибок при переводе может являться неспособность распознать в тексте все составляющие компоненты понятия «экспрессивность».

Ключевые слова: экспрессивность, политический дискурс, эмоциональность, эмотивность, регулятивное воздействие.

Экспрессивность является важным качеством публичных речей, поскольку она помогает оратору четко донести свою позицию до слушателя, убедить его в своей

праве, заставить сделать выбор. Особенную значимость она приобретает в аспекте предвыборной кампании, где от яркости и четкости агитационной речи кандидата зависит его дальнейшая политическая карьера.

Поскольку экспрессивность является одним из самых значимых элементов данного типа языковой коммуникации, она должна быть максимально отражена при переводе и потеря каких-либо её составляющих может привести к искажению смысла всего сообщения.

Экспрессивность изучалась многими учеными, такими как Н.Н Кузнецова, Н. С. Телия, И.А Лукьянова, Е.М. Вольф и др., но они направляли своё внимание на изучения самого явления экспрессивности, способы её выражения и функции, не затрагивая аспект перевода. В нашем исследовании предпринимается попытка осмысления передачи экспрессивности при переводе. Данный факт, а также новизна практического материала (дебаты кандидатов в президенты США 2016 года, а также их синхронный перевод, выполненный журналистами международной радиостанции «Радио Свобода») определяют актуальность данного исследования. Данная статья имеет целью рассмотреть функции экспрессивности в политическом дискурсе и проследить способы ее передачи при переводе с английского языка на русский.

В научной литературе было выделено существование трех сходных понятий, описывающих выразительность речи: экспрессивность, эмоциональность и эмотивность. Ученые до сих пор не могут прийти к единому мнению относительно степени тождественности этих понятий. Некоторые ученые являются сторонниками объединения всех трех понятий в одну категорию (Б. Харченко, Т. В. Матвеева), однако большинство исследователей (В. Н. Аванесова, Е.М. Галкина-Федорук, А. В. Кунин, В. И. Шаховской, Я. Н. Блох и другие) разграничивают три данных термина. Условной гранью для разделения категорий эмоциональности может служить соотношение лингвистическое\ психологическое. По определению А. В. Кунина «Эмотивность – это эмоциональность в языковом, преломлении, выражение языковыми средствами чувств,

переживаний человека» [8, с.153]. С ним согласен В. И. Шаховской, который называет эмотивность трансформацией эмоциональности в язык [12, с.13].

Ряд ученых, считающих что эмоциональность и эмотивность принадлежат к одной лингвистической категории, связывают ее с коннотацией или ее элементами: оценочностью, интенсивностью и эмоциональностью. При широкой трактовке в разряд эмотивности подпадают все языковые средства отображения эмоциональности. В рамках проведения исследования разграничение экспрессивности и эмоциональности представляется важным в силу частоты их упоминания в научной литературе [5, с.15]. Точки зрения на вопрос об экспрессивности и эмоциональности также различны, одни учёные между этими понятиями ставят знак равенства, другие их полностью разграничивают. В лингвистической литературе было выделено три основных подхода к понятию экспрессивности – функциональный языковой и точка зрения о том экспрессивность является дополнительной характеристикой лексической единицы. В функциональном русле она понимается как «не-нейтральность речи, отстранение, деавтоматизация, придающие речи, необычность и изобразительность», [2, с.108] во втором случае “как семантическая категория, включенная в состав слова” [2, с. 40], а в третьем - как компонент дополнительного значения: коннотации [2, с.64], оценочности [1, с.38].

Рассмотрев понятия «эмоциональность» и «экспрессивность», мы принимаем точку зрения И. Каблуковой о том, что понятие «экспрессивности включает в себя эмоциональность и состоит из таких компонентов как оценочность, интенсивность и образность [7, с. 20].

В нашем исследовании мы принимаем точку зрения В.Н. Телия о том, что экспрессивность является добавочным компонентом значения [10, с.14]. Слово может как иметь экспрессивное значение по своей семантике, так и приобретать контекстуальную экспрессивность, заимствуя её у слов, составляющих микроконтекст.

В ходе анализа нами была принята дополненная классификация экспрессивности О.Е. Загоровской. Согласно данной классификации выявлены пять уровней, на которых возможно функционирование экспрессивности:

- 1) просодический (экспрессивная фонетика: ударение, интонация и т.д.);
- 2) морфологический (экспрессия создается путем добавления экспрессивных аффиксов: *polikaster, frankly*);
- 3) лексический (слова с экспрессивным значением: *folks, Carnage*; интенсификаторы: *so, really*);
- 4) стилистический (эпитеты, метафоры, сравнения синтаксическая инверсия, повторение параллельных конструкций: *...and disgusting, horrible sights all over*);
- 5) грамматический (модальные слова и глаголы: *possibly, probably, have, should, must*) [4, с.76].

Исследуемый нами вопрос является чрезвычайно обширным, поэтому в данной работе мы остановимся лишь на лексическом уровне.

Трудность сохранения экспрессии при переводе заключается в невозможности ее полной передачи на русский язык при использовании перевода «слово в слово». Происходит это, в частности, из-за различной культуры употребления усилительных частиц и прилагательных в двух языках, а также из-за различий в объемах значений слов, например, денотат слова не несёт экспрессивный оттенок, в то время как его дополнительное значение может иметь коннотацию, сложно объяснимую для русскоязычного рецептора.

В ходе анализа оригинального текста дебатов и его перевода на русский язык, были рассмотрено 56 примеров, содержащих элементы экспрессии. Основными способами работы над текстом явилось сравнительно-сопоставительный и контекстуальный метод анализа, а критерием оценки – степень сохранения регулятивного воздействия на читателя в переводе.

При переводе текста переводчикам приходится прибегать к различным приемам перевода, называемых переводческими трансформациями. Среди переводоведов существует несколько классификаций переводческих трансформаций. Мы придерживаемся классификации В.Н. Комиссарова, так как считаем ее наиболее полной. Согласно этому делению все трансформации делятся на 3 класса: лексические, грамматические, комплексные [6, 100].

В результате были выделены такие приемы перевода как:

1) Добавление – введение в текст новых слов, повышающих экспрессивность высказывания: *Who's making these deals?* Буквальный перевод: *Кто заключает эти договоры?* – не несет никакой экспрессивности и выглядит нейтральным. Чтобы показать раздражение Трампа (а речь в данном отрывке шла о невыгодных договорах, увеличивающих дефицит экономики США), переводчик добавляет в свой текст слово «вообще», характеризующееся принадлежностью к разговорному регистру и за счет этого вносящее в контекст экспрессию.

2) Замена категории единственного числа на множественное, с целью показать общность целей: *I will make America great again* - *Мы действительно должны сделать Америку великой*. При прямом переложении текста ощущается некоторая оторванность кандидата от всего остального народа.

3) Смысловое развитие - добавление в перевод слова или нескольких слов, достраивающих речевой образ и, тем самым, увеличивающих экспрессивность сказанного. Примером может служить перевод следующего высказывания Хиллари Клинтон: *If we overcome the divisiveness that sometimes set Americans against each other if we set those goals and try to achieve them there is nothing in my opinion what America can't do*. В этом отрывке есть два маркера экспрессивности: во-первых, слово *divisiveness*, лексическое значение которого «вызывающий разногласия» не содержит красочного образа, поэтому оно было переведено как «язык раздора»: «Если мы откажемся от языка раздора» вместо «преодолеем разногласия». Второе релевантное решение

переводчика – добавление в перевод слова невозможно, создающего тройное отрицание и усиливающего уверенность людей в том, что все задуманное осуществится: «Нет *ничего невозможного*, чего Америка *не* могла бы достичь».

4) Компенсация – перенесение экспрессии из одной части высказывания в другую. Так, например, переводчики вынуждены часто прибегать к компенсации прилагательных *so, really, great* (они часто служат в качестве усиления и означают в этом контексте «действительно, великолепно, замечательно»), так как в данной культуре их употребление кажется неуместным, нарушающим практику использования этих лексических единиц. Рассмотрим высказывание Д.Трампа: «*But I want to do things that haven't been done, including fixing and making our inner cities better for the African-American citizens that are so great, and for the Latinos, Hispanics, and I look forward to doing it*» в буквальном переводе звучащее как «Я хотел бы сделать многое из того, что не было сделано раньше, в том числе зафиксировать и продолжать улучшать условия жизни в городах глубинки для афроамериканцев граждан нашей стороны афроамериканцев латиноамериканцев и испанцев, которые действительно являются великим народами и я с нетерпением ожидаю этого». С точки зрения культурных традиций переводят примерно так: «но я хочу сделать многое из того что не было сделано ранее, например, я хочу зафиксировать и продолжать улучшать условия в глубинке, где живут достойные граждане нашей страны». Подобные замены являются обоснованными, так как в русскоязычной лингвокультуре прилагательное «*великий*» несет на себе большую эмоциональную окрашенность и используется в ограниченном количестве сочетаний и может вызвать нестандартную реакцию у рецептора данного перевода.

Оценим регулятивное воздействие текста оригинала и перевода в приведенных примерах. Под регулятивным воздействием Л.К. Латышев понимает «способность исходного текстов оказывать воздействие на читателя менять его эмоциональное состояние» [9, с.12]. Мера воздействия в данном случае будет оцениваться по возможной реакции адресата на данное высказывание. Приведем пример: «*When I hear*

something like that I am reminded of the word my friend Michael Obama advised us all when they go low you go high». Прямой перевод данной фразы – «когда я слышу что-то подобное, я вспоминаю совет, который дала мне Мишель Обама, чем ниже они опускаются чем выше находимся» не содержит экспрессивного потенциала. В оригинале экспрессия реализуется с помощью местоимений *us* и *all*, а также фразы *when they go low you go high*, содержащей противопоставление. Семантическое наполнение данной фразы позволяет использовать для создания нужного фона целый ряд метафор (логично, например, сравнение с качелями). Однако в контексте предыдущей фразы, эквивалентным выглядит перевод: "когда я слышу что-то подобное, я вспоминаю, что мой друг, Мишель Обама, сказала мне: «Нас бьют - мы летаем». Помимо сохраненного в данном тексте противопоставления данный перевод цитирует строку из песни А. Пугачевой, четко укладываясь в память читателя. Дополнительным показателем экспрессивности данной фразы служат аплодисменты зрителей (при том, что в дебатах в целях экономии времени было запрещено выражать реакцию на высказывания). Перевод фразы при прочтении несет такую же степень экспрессии, поскольку всем знакомо представление о черно-белых полосах нашей жизни. В песне А. Пугачевой речь идет примерно о том же: человек, несмотря на неудачную любовь должен подняться над собой и снова полюбить. Таким образом, данный перевод можно считать адекватным.

Приведем другой пример: «You know, when we have a world where you have ISIS chopping off heads, where you have — and, frankly, drowning people in steel cages, where you have wars and horrible, horrible sights all over, where you have so many bad things happening, this is like medieval times. We haven't seen anything like this, the carnage all over the world» - «Сегодня мы топим людей в каких-то стальных клетках, много крови льется – это как средневековые какое-то». На лексическом уровне экспрессивность представлена словами *chopping off heads* (рубить головы), *drowning people in steel cages* (опускать в воду в стальных клетках), *horrible sights all over* (ужасные вещи вокруг), *like*

medieval times, so many bad things (как в средневековье, столько же ужаса), *We haven't seen anything like this, the carnage all over the world* (Мы никогда не видели ничего подобного этой резне). В переводе экспрессивность сохраняется только в предложении: «Сегодня мы топим людей в каких-то стальных клетках много крови льется – это как средневековье какое-то». Как мы видим, экспрессия передается не в полной мере. Если опущения в первом предложении можно объяснить деформациями и ориентированностью текста на массовый реципиент, опущение следующего предложения может свидетельствовать о не распознавании компонента интенсивности экспрессивного высказывания - отсутствует компонент неординарности описываемого явления, который можно было бы передать следующим образом: «такого ужаса никто никогда еще не видел».

Подводя итог анализу, можно сказать, что для адекватной передачи экспрессивности на лексическом уровне требуется проникновение переводчиком в семантику носителей экспрессивности, их образность, взаимодействие в контексте и воспроизведение аналогичных отношений средствами языка перевода. Причинами же ошибок являются неспособность распознать в тексте все элементы, входящие в понятие «экспрессивность».

References

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
2. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. – М.: Сборник статей по языкознанию, 1958. – С. 103-120
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – 2-е изд.. – М.Издательство Московского ун-та, 2007. – 544 с.

3. Загоровская О. В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1984. – С. 74–8
4. Зотова А.В. К вопросу о соотношении категорий «эмотивность», «эмоциональность», «экспрессивность» // Вестник ВГУ № 6. 2010. – С.14-17
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. - М.: ЭТС. — 2002. — 424 с.
7. Колбукова И.В. Принципы и методы представления экспрессивной семантики слова в двуязычном словаре.: Дис. ...канд. филол. наук. – М., 2007. – 27 с.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. - 381 с.
9. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. — 141 с.
11. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка М, 1988. – 325 с
12. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика ... – 1996. - №6. – с. 62 – 71.
13. Президентские дебаты. Перевод Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/> (дата обращения: 25.05.2017).

UDC 811.111'255.2

Kovalev A., Kutsevich Y. The immersion effect in Russian translations of the short story by Howard Phillips Lovecraft “The Call of Cthulhu”

Artyom Kovalev

1st year graduate student
of Smolensk State University, Smolensk
E-mail: artvisitor@yandex.ru

Yuliya Kutsevich

candidate of Philology, assistant professor of the English Language and Translation Chair of Smolensk State University, Smolensk
E-mail: julia_1807@list.ru

Abstract. The article analyzes approaches of Russian translators L.V. Kuznetsov and S. B. Likhacheva to the “immersion” effect, created by H.P. Lovecraft in his short story “The Call of Cthulhu”. The results show that L.V. Kuznetsov manages to convey the author’s conception more precisely, maintaining the style and the local colour of the original as well as the peculiarities of Lovecraft’s language. S.B. Likhacheva’s translation is characterized by a number of adaptations, which introduce certain changes into the artistic conception in question.

Keywords: immersion; translation; H.P. Lovecraft; The Call of Cthulhu.

In this research, we analyze the short story “The Call of Cthulhu” by the American writer Howard Phillips Lovecraft and two most famous Russian translations of this work – those by L.V. Kuznetsov and S. B. Likhacheva.

The main aim of this paper is to compare the two translations and find out the difference between the translators’ view on the author’s conception of immersing the reader in his story. The object of this research is Lovecraft’s artistic idea that allowed him to make the reader feel personally involved in the story. Our research question embraces the specific features of conveying this idea in both translations. The topicality of this paper is conditioned by absence of research works on the immersion effect in Lovecraft’s short stories. In this respect our paper introduces the topic into the scope of research and contributes to it analyzing the original story and its Russian translations.

Howard Phillips Lovecraft, an American writer and journalist, the founder of the Cthulhu Mythos, worked in the horror genre combining mysticism and fantasy in an original style.

H.P. Lovecraft was born in Providence, Rhode Island, the USA. He was an only child in a well off family, whose ancestry can be traced back to the Massachusetts Bay Colony founded in 1630.

Both his parents spent the last days of their lives in a mental hospital while Howard himself constantly suffered from nightmares. Though Lovecraft's grandfather had the biggest library in Providence and Howard could read books by outstanding classical authors, he never received his high school diploma due to a nervous breakdown [4].

Lovecraft and his literary heritage greatly influenced modern horror fiction. His works represent a sub genre of horror – the Lovecraftian Horror.

The main themes of Lovecraft's stories are exploring the unknown, things that should not be and learning the things that happen to a person confronting the unnatural in such revelations. As someone who has firsthand experience of mental problems, Lovecraft usually dwells on madness that follows the revelations.

Fear in his works comes not only from what is depicted but also from what is left out. His characters lose their reason after uncovering bits and pieces of something that is a part of a vast plain of missing links and questions about the past, the present and the future of the human race that we still can't answer.

For that approach to be effective, the reader must be immersed in the story, which is one of the aims of the author's artistic conception. To reach this aim and make the reader feel as if he were the main character, the writer purposefully arranges the story in a certain way.

One of Lovecraft's most famous stories, "The Call of Cthulhu", is a good example of the means and methods he uses to realize his conception. Thus, in this work he combines facts with fiction making the reader guess what is real and what is not. This is possible due to abundance of dates, proper names and toponyms ("American Archaeological Society", "March

1st, 1925”, “W. Scott-Elliot’s *Atlantis and the Lost Lemuria*”), alongside Lovecraft’s falsifications (“Dream and Dream Work of H. A. Wilcox”). Lovecraft’s characters are usually men of science and art who, in search of answers to eternal questions, go too far trying to uncover the things they would later be willing to forget like a dream. Lovecraft’s language, by no means simple, is full of officialese, long sentences with complex constructions and parenthetical words.

It is also important to note that first person narration is predominant in Lovecraft’s work in question. The hero and the narrator of the story, Francis Wayland Thurston, uncovers the notes of his granduncle, a professor of Linguistics of Brown University, George Gammell Angell, who died under mysterious circumstances. Thus, both the hero and the reader learn the details of the story reading these notes, which helps the reader immerse in the story [1; 5].

Sea and space are also significant themes in “The Call of Cthulhu” as up to now there are numerous questions concerning both that humanity is still unable to answer. The topicality of the themes also contributes to immersion as the reader is inclined to believe in the possibility of something when it comes to fields yet to be fully discovered.

All of the above mentioned peculiarities of Lovecraft’s style were singled out through the analysis of the original version of the story. With all the transformations that the original text goes through in translation, being faithful to the original while trying to convey the author’s meaning in a different language is a heavy burden that translators have to deal with. To find out how the author’s ideas are presented in the Russian language, this article analyzes and compares two well known translations by L.V. Kuznetsov and S. B. Likhacheva.

Thus, in the original the first and the third chapters are called “The Horror in Clay” and “The Madness from the Sea” respectively. Kuznetsov’s variants are “Ужас, воплощенный в глине” and “Безумие, вышедшее из моря”, Likhacheva’s variants are “Глиняный ужас” and “Безумие с моря”. There is an obvious contrast between the two translations. From our perspective, Kuznetsov’s variants express the ideas of the original more precisely as in

Likhacheva's variants the materiality and reality of horror are completely lost which in its turn interferes with credibility [2; 3; 5].

Let us consider the next example:

The cuttings largely alluded to *outré* mental illnesses and outbreaks of group folly or mania in the spring of 1925 [5].

Translation by S.B. Likhacheva:

В газетных вырезках речь шла по большей части о странных психических расстройствах и о вспышках группового помешательства или мании весной 1925 года [3].

Translation by L.V. Kuznetsov:

Что же касается газетных вырезок, то все они были посвящены необыкновенным случаям душевных заболеваний и вспышкам группового помешательства, имевшим место весной 1925 года [2].

This example, as well as many others, illustrates the difference in the text size between the original and the two translations. Both of them are larger than the original, with Kuznetsov's variant being larger than Likhacheva's. This specific feature of L.V. Kuznetsov's variant can be explained by the translator's effort to stick to the author's style using long sentences with complex structure.

The main difference between these examples is that Likhacheva uses a dictionary meaning of the adverb "largely" ("по большей части" [7] meaning "mainly"), while Kuznetsov replaces it with "все" meaning "all".

It is also worth noting that the way the two translators treat the word of French origin "outré" [8] is specific as well. For example, Likhacheva compensates for lack of this word using another French word in the previous sentence ("пассаж", or "passage" [8]). Kuznetsov, however, does not use any French alternatives which results in loss of the local colour created by the author in the original.

Similar tendencies can be traced in the following example:

Above these apparent hieroglyphics was a figure of evidently pictorial intent, though its impressionistic execution forbade a very clear idea of its nature [5].

Translation by S.B. Likhacheva:

Над этими несомненными иероглифами просматривалась фигура – явно изобразительного плана, хотя импрессионистский стиль исполнения не позволял распознать ее природу [3].

Translation by L.V. Kuznetsov:

Нижняя часть плиты изобиловала знаками иероглифического характера, а над ними была помещена фигура, в которой угадывалось стремление художника изобразить нечто вполне конкретное – стремление, которому, увы, не способствовала импрессионистская манера исполнения [2].

Commenting on these examples it is important to note that the meaning of the adjective “apparent” is lost in Kuznetsov’s variant (while it is present in Likhacheva’s variant – “несомненными”) and replaced with a word that has a different meaning, that of abundance – “изобиловала”.

When it comes to proper names, Likhacheva translates them while Kuznetsov conveys them by means of transliteration:

It was an old number of an Australian journal, the Sydney Bulletin for April 18, 1925 [5].

Translation by S.B. Likhacheva:

То был старый номер австралийского журнала “Сиднейский вестник” за 18 апреля 1925 года [3].

Translation by L.V. Kuznetsov:

То был старый номер австралийской газеты «Сидней буллитин» от 18 апреля 1925 года [2].

In the next paragraph the name of the ship (Vigilant) is also translated in Likhacheva’s variant («Бдительный») and transliterated in Kuznetsov’s variant («Виджилант»).

The last paragraph of the story is “icing on the cake” in the process of immersing the reader in the plot:

Let me pray that, if I do not survive this manuscript, my executors may put caution before audacity and see that it meets no other eye [5].

Translation by S.B. Likhacheva:

Об одном молюсь: если я не переживу своей рукописи, пусть в моих душеприказчиках осторожность возобладает над храбростью и они позаботятся о том, чтобы страницы эти никому больше не попались на глаза [3]!

Translation by L.V. Kuznetsov:

Лучше я буду молиться о том, чтобы в случае, если мне не суждено пережить эту рукопись, мои душеприказчики отдали предпочтение не смелости, но благоразумию и осторожности, проследив за тем, чтобы посторонний взор никогда не коснулся этих строк [2].

In this paragraph the author hints at the danger that threatens the life of the hero reading the notes. But since the reader seemingly represents the “shadow” of the main character, discovering the events of the story the same way the latter does, this danger comes off as something that might threaten the reader himself. That way Lovecraft conveys the sense of danger and fear through the pages directly into the reader’s mind breaking the so-called “fourth wall”.

To sum it up, the above described analysis of two translations allows us to conclude that L.V. Kuznetsov tries to make his translation close to the original in terms of style while S.B. Likhacheva’s main concern is meaning which results in a number of adaptations in her translation. This, however, directly impacts on the reader’s immersion: even though Kuznetsov sometimes treats meaning in his own way, his translation conveys all the essence of the original as he manages to maintain its style, the complex and elaborate language of Lovecraft and his characters, as well as the local colour of the original which also impacts on immersion. However, it is important to note that both translations have pros and cons, be it certain

questionable changes and the size of Kuznetsov's variant, or adaptations and simplifications of Likhacheva's variant.

References

1. Lovecraft H.P. The Call of Cthulhu, 2010. Moscow, Saint-Petersbourg. P. 5-52.
2. Lovecraft H.P. The Call of Cthulhu. Translated by L. Kuznetsov.
<https://www.litmir.me/br/?b=177322> Accessed 7 April 2017.
3. Lovecraft H.P. The Call of Cthulhu. Translated by S. Likhacheva
<https://flibusta.is/b/446093/read> Accessed 5 April 2017.
4. Lovecraft H.P. <http://www.hplovecraft.com/life/> Accessed 3 April 2017.
5. The Call of Cthulhu. <http://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/cc.aspx>
Accessed 5 April 2017.
6. The Complete Collection of Russian Translations of H.P. Lovecraft's Works.
<https://rlyeh.d3.ru/polnaia-i-uporiadochennaia-kollektsiia-russkikh-perevodov-g-f-lavkrafta-817236/?sorting=rating> Accessed 8 April 2017.
7. WordNet. A Lexical Database for English. <http://wordnetweb.princeton.edu>
Accessed 7 April 2017.
8. Wordsmyth. <http://www.wordsmyth.net> Accessed 5 April 2017.

SECTION 4. TEACHING AND LEARNING OF ENGLISH AS A FOREIGN/SECOND LANGUAGE

UDC 001

Kobylyanska I. Principles of the Autonomy Approach in foreign language learning and teaching

Kobylyanska Iryna

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Senior Lecture of English Language of Department in foreign languages, Kiev NPU Dragomanov

Abstract: This article comprises interesting insights both for learners and for teachers. The article describes the main principles of the Autonomy Approach as self-directed language learning in language teaching within the types of learning, such as: individualised language learning, differentiated learning, self-directed learning, self-access learning, study skills and strategies. The article guides teachers in how to encourage learners to take a more active role in their own process of language learning. First of all, it raises teachers' awareness on the importance of their contribution to the effectiveness achieved.

Keywords: The Autonomy Approach, self-directed learning, individualised learning, language learning, language teaching.

Today we know that learners should be really committed to their own learning. They should not only acquire knowledge, but also develop mechanisms, skills and strategies for becoming more effective learners, and to gain autonomy so as to go on learning the target language even when they are not in class. And how can all this happen? How can teachers in order to help learners start to develop the effectiveness referred above? The best formula is to implement learners' training so that learners progressively take charge of their own learning.

According to Harmer three are the main areas involved in this, namely:

Personal assessment: student should learn how to reflect upon their personal performance and their true engagement in learning, they should think about what kind of learners they are and about what they can do to help themselves.

Learning strategies: certain helpful learning behaviours to optimize learning.

Language awareness: with the help of certain activities students implicate themselves in studying in depth how language works [7].

Rich and varied is the literature on strategies, their nature, typology, relevance and implications in the field of teaching in general, and in that of Foreign Language Teaching, in particular.

In general, strategies are considered as plans for actions. Authors such as Valls (1995), Beltran (1996, 1999), Cohen (1998) or Pozo and Monereo (1999) among many others delimit the scope of the meaning of the term, distinguishing it from technique, skill or method within the field of procedures by establishing a gradual categorization from wider types to narrower ones.

As regards learning strategies in particular, they can be considered as those procedures intervening in the learning process. Rubin gave the definition which has probably held a wider acceptance: “the techniques or devices which a learner may use to acquire knowledge”. Another way to understand the term strategy is as: “A choice that the learner makes while learning or using the second language that affects learning” [4].

However, any book on language teaching methodology should avoid giving the impression that there is only one way to teach a language. Teachers should therefore be wary of following dogmas blindly. Instead, they can develop their skills by being prepared to reflect on their teaching and learn from their experiences, remembering that different teaching solutions will be required at different times. However, as a starting point for reflection and development, teachers can learn from what others have done before them [9].

The *aim of the article* – to describe the main principles of the Autonomy Approach in language teaching as self-directed language learning within the types of learning for professional development for those professional language educators who are looking for new and innovative ways to guide and support their students as they direct their own learning.

The Autonomy Approach as ‘self-directed language learning’ are often associated with learner autonomy, both a range of freedom and a range of teacher support are possible.

Autonomy in language learning has been notoriously difficult to define and, while academics continue to disagree about the concept and refine the various definitions, teachers have interpreted it in different ways. As a result, it seems that, although there are some amazing practitioners doing inspirational work by handing control over to students, there are also many teachers who are still not quite sure what autonomy in language learning is all about. In fact, regardless of the definition used, no causal link has yet been established between learner autonomy and language development.

Nevertheless, by taking what is considered important in the field of autonomous language learning and using this as a way of approaching effective self-directed language learning, rather than a way of developing autonomy, there can be a focus on self-directed language learning, target-language development and the empowerment of learners to make informed decisions about their own learning. The outcomes, for learners, revolve around language skills, language learning skills and their understanding of available resources and ways of using these to meet their language learning goals [1].

The main principles of the Autonomy Approach are:

It is **student-led**: Students make the decisions about their own learning. If students make decision about their own learning, they take ownership. Some decisions may be taken by the group of participants when it affects the whole group, but most will be for individual students to make. After all, they are deciding about what they will do outside the classroom. Personal decisions are much more likely to be followed through than those imposed by others, and even the act of making these decisions known to others reinforces the likelihood that the actions will be carried through.

It is **guided**: Through activities and discussions, students are guided through a systematic cycle of planning, implementation, monitoring and evaluation (PIME), where linguistic progress is genuinely relevant to each learner's wants, interests and needs (WIN) – rather than a teacher's perception of these. When learners are short of ideas, choices can be “introduced” – but they remain genuine choices, and the teacher can ask more about their

selections so that informed choice becomes integral. It is important to encourage students at all times to make principled decisions about their own learning and to think through the consequences of these.

It is **focused**: Through WIN analysis, diagnostic and other focus activities, it becomes much easier for students to consider their own strengths and weaknesses, prioritise from these and clearly identify relevant language and resources. As a result, students can choose what to learn and, perhaps more importantly, what not to learn. This is a more efficient way of language learning than allotting time to learning language which may not be relevant to an individual's goals. The use of targets can also focus learning further and lead to motivation derived from achievement and perceptions of competence – as targets are met and goals become closer.

It is **collaborative**: Where possible, students are encouraged to work with each other inside the classroom, and to learn with classmates or others outside, too. Establishing a dynamic whereby individuals cooperate to exchange information and succeed through interaction moves the onus away from teachers and advisors to provide the answers, and guides learners to look to the wider community and the resources at their own disposal to develop their language and their language learning. This reinforcement of “community” for the sharing of ideas and experience related to language learning also provides a social context for learning and critical thinking, highlighting and balancing the social aspect of learning with the individualised aspect of personal learning goals [1].

Activities which fall under the umbrella of learner autonomy have been given a variety of labels, including ‘individualised learning’, ‘self-directed learning’ and ‘study skills’ [3].

These practices recognise differences amongst learners, and practitioners cater for and encourage this diversity.

Individualized (or personalised) learning focuses on the needs and wants of individual learners. Learners are taken through the process of designing, implementing and evaluating an

individual learning plan. This particular area of learning allows for a blend of classroom and out-of-class activities – such as online, self-access centre or community interactions.

There is more potential freedom than in differentiated learning, which allows students to choose the level they want to work at also transfers control from the teacher to the students. In the past, both of us – along with our colleagues – have ‘personalised’ learning as part of institutional policy (in different institutions) in one-to-one tutorials, by prescribing exactly what the student should do. In some schools and universities, individualised learning has been implemented by taking the students en masse to the language lab / computer lab / self-access centre and asking them to choose something to get on with – individually.

While ‘individualised’ learning is sometimes mistakenly considered as ‘individual’ learning, there is no reason for this to be isolated learning. Individualised learning often involves learning with others and from others – to share ideas and achieve overlapping individualized goals. Individualised learning maintains that all kinds of social interaction, whether in or out of the classroom, play a central role in learners’ mental development and growth.

Self-directed learning (SDL) occurs when learners learn without recourse to a teacher or learning advisor. It is a key area of research, originally rooted in the field of adult education, and it has traditionally no direct link to language learning.

Malcom Knowles puts forward three main reasons for SDL:

- First, he argues that people who take the initiative in learning (pro-active learners) learn more, and learn better, than passive learners.
- Second, he proposes that SDL is in tune with our natural psychological development as learners, meaning that a key aspect of the maturation process is the development of the ability to take more responsibility over our lives.
- His third reason deals with contemporary developments in education that put more and more responsibility on learners to take more initiative [7].

The dynamic, reciprocal relationship between the two dimensions focused on whether ‘self-direction’ is viewed as a *goal* or *method of learning* reflects Philip Candy’s idea:

- Self-directed learning embraces dimensions of both process and product.
- Becoming self-directed is a desired pedagogical outcome.
- Self-directed learning is an organized system of teachable learnable skills [3].

“The primary aim of *self-access study* facilities is to enable learning to take place independently of teaching”. (Phil Benson)

Self-access learning that takes place in a self-access centre, often stocked with a range of resources and materials in order to entice learners. With an appropriate range of resources, materials and pedagogic support, there is the potential for this to be self-directed language at its most effective.

Other attempts to define self-access learning by practitioners involved in SAL have been carried out through the description of principles like the ones put forward by Lucy Cooker:

1. Self-access learning should be truly self-access, ie it is not a compulsory part of a course.
2. Students should have an integral role in the running of the centre.
3. Learning should be fun.
4. The learning environment is important [5].

“Academic competence is associated with the knowledge and application of effective study skills. Capable students at all grade levels may experience difficulty in school, not because they lack good study skills”. (Maribeth Gettinger and Jill K. Seibert)

Study skills and strategies tend to be taught through a variety of activities focusing on specific skills related to academic study. These are mainly focused on activities related to input for learning – such as note-taking during lectures and reading – and output for assessment, often written work including essays and dissertations. Other common themes include managing time, organising study notes, revising for exams, and coping with anxiety [2].

Therefore, in terms of language skills, the Autonomy Approach is much more concerned with learners becoming aware of what they are doing when they learn and use their target language, and the strategies they implement when applying these skills to develop and deal with the language they encounter.

Self-directed language learning (SDLL) is the term that we shall be using throughout the *Autonomy Approach*, as said earlier. Self-directed programmes should involve cyclic diagnosis of learners' beliefs about language learning, preferred styles, learning needs and objectives in order to endow the learners with criteria for choosing optimum strategies, resources and activities for their individualized programmes [2].

“Self-directed language learning” has at times been used interchangeably with other terms such as *self-regulated learning or learner autonomy*, resulting in ambiguous understanding. Our use of “*self-directed language learning*” comes directly from the field of self-directed learning in adult education, where it originated.

How far each teacher chooses to implement the Autonomy Approach will depend on various factors. Some of these factors will be *external* (institution, culture) and some *internal* (experience, teaching beliefs).

“Education cannot function without teacher control. How teachers exercise this control and how much they deem appropriate to relinquish should be their decision, based on the knowledge of their teaching context and their students in particular. Any model of learner autonomy should therefore be adopted only after the careful appraisal of its relevance to a specific educational setting”. (*Eva Illes*)

However, far from negating the role of the teacher, the Autonomy Approach focuses directly on the role of the teacher as an expert in learning who understands the cyclical nature of learning, who is essential for ensuring the dynamic of the learning community, and who can guide through input and feedback. The teacher is crucial to help students think through their language learning decisions, so that what they choose to do is effective in the pursuit of their goals. Teacher guidance using the Autonomy Approach is fundamental:

- It helps students to reflect on their actions and the consequences.
- It helps them realign their language learning with their goals [2].

The teacher-expert therefore helps learners make informed choices that lead to more effective language learning that takes into account styles, lifestyles, wants, interests and needs. Having autonomous learning as an aim it is not surprising that “learning how to learn” becomes one of the most important characteristics of LCA. “Learning to learn” implies promotion effective and independent learning.

The Autonomy Approach is not an approach which is absolute, nor is it to replace existing methodologies or approaches. Rather, it can be adopted gradually over time in a way which can maintain the comfort of all stakeholders, and work in conjunction with other methods and approaches [2].

To sum up, the Autonomy Approach in language teaching is seen as being most effective when it is subordinated to learning. In other words, the teacher’s job is to help learners to learn effectively, or to facilitate their learning.

Autonomy, i. e. the final aim of learner training, is approached in a gradual and natural way. Sharing Socrates’ view that wisdom begins in wonder, the starting point in this process of learner training aimed at making better learners by maximising opportunities and resources to learn should be introducing students into the habit of the kind of systematic reflection that lead to awareness. Raising the students’ awareness is a safe path to the kind of discoveries that lead to a more dynamic and prolific learning experience in which students may notice lots of things concerning the functioning of the target language and their own learning performance.

References:

1. Benson, P. “Autonomy in language teaching and learning” *Language Teaching* 40 (1) 2007
2. Morrison B. and Navarro D. “The Autonomy Approach” , England: Delta publishing, 2014

3. Candy, P.C. Self-direction for lifelong learning: A comprehensive guide to theory and practice Jossey-Bass 1991
4. Cook, V. (1991): Second Language Learning and Language Teaching. London: Arnold.
5. Cooker, L “Some self-access principles” Studies in Self-Access Learning Journal 1 (1) 2010
6. Harmer, J. (1991): The Practice of English Language Teaching. Harlow, Essex: Longman.
7. Knowles, M. S. Self-Directed Learning: A guide for learners and teachers New York: Association Press 1985
8. Little, D. “Learner autonomy in action – across borders” Independence54 2012
9. Watkins P. Learning to Teach English, England: Delta publishing 2nd ed,2014

UDC 37.378.1

Kulakova N. Portfolio as a means for activation of student professional and personal development in learning foreign languages

Портфолио как средство активизации профессионально-личностного развития студента в обучении иностранным языкам

Kulakova Nadezhda

Teacher of English, Foreign languages and professional communication department
Krasnoyarsk State Agrarian University

Кулакова Надежда

Преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
Красноярский государственный аграрный университет

Abstract: The paper outlines the technology of portfolio as another way of increasing student engagement in the language classroom

Keywords: portfolio, questionnaire, personal achievement, the English language

Аннотация: В статье рассматривается технология портфолио как один из способов повышения вовлеченности студентов на занятиях по иностранному языку

Ключевые слова: портфолио, анкетирование, индивидуальные достижения, английский язык

Портфолио – одна из технологий профессионального развития не только педагогов, но и студентов высшей школы, способствующая отходу от формального «накопления» материала по определенной дисциплине, в нашем случае, по иностранному языку. Данный вид деятельности способствует развитию умений планировать свое развитие, анализировать собранную информацию. Эта технология помогает решить задачи по развитию мотивации, вовлеченности студентов в процесс обучения иностранному языку, как во время аудиторной, так и самостоятельной работы.

В общем смысле *Портфолио* – (от франц. *porter* – излагать, формировать, нести и *folio* – лист, страница) – досье, собрание достижений, фиксация успехов [2]. Понятие «*портфолио*» пришло к нам из Западной Европы XV–XVI веков. Идею использования портфолио в сфере образования возникла в США в середине 80-х годов. К началу XXI века идея становится популярной во всем мире, в том числе и в России. Основной смысл *портфолио* заключается в том, чтобы показать все, на что ты способен

[1]. Под портфолио наших студентов мы подразумеваем способ фиксирования, накопления и аутентичной оценки индивидуальных достижений студента по иностранному языку.

Создание портфолио в рамках одной дисциплины позволяет учитывать результаты, достигнутые студентом не только в конкретном виде деятельности, но и преумножать свои достижения в учебной, учебно- исследовательской, творческой работе.

Среди многих типов портфолио, в нашем случае используется *рефлексивный тип портфолио*, другими словами он раскрывает динамику личностного развития студента по иностранному языку, помогающее отследить результативность его деятельности как в количественном, так и в качественном плане [1]; в эту папку собираются статьи, эссе, доклады, все письменные работы на английском языке, тесты и контрольные работы, переводы, в общем, всё, что делалось в течение определённого срока (семестра, учебного года).

К тому же, существует много разновидностей портфолио, таких как: портфолио документации, портфолио-коллектор, портфолио достижений и даже on-line портфолио. Мы используем *оценочный вид портфолио*, который позволяет судить о способностях и знаниях студента, содержит в себе только ту информацию, которая подчеркивает квалификацию студента в изучении английского языка. Одному из моих студентов портфолио помогло в подготовке к олимпиаде по английскому языку, другие использовали его для накопления благодарственных писем и сертификатов, полученных за выступления на конференциях.

Важно понимать, что создавая портфолио, мы имеем в виду не только активистов, отличников и подающих надежды учащихся высшей школы, но каждый желающий может создать свое личное портфолио и отслеживать индивидуальные достижения. К тому же, такой документ может оформить не только выпускник, но и первокурсник, что позволит ему объективно посмотреть на свои успехи в изучении английского языка и планировать будущую профессию.

Возможно, возникнет вопрос, почему бы просто не воспользоваться обычной тетрадью для выполнения самостоятельной работы. Ответ: портфолио позволяет четко оценивать качество учебы, поддерживает заинтересованность иностранным языком, в отличие от традиционной модели работы с тетрадью, к тому же, портфолио помогает систематизировать знания, особенно, если студент занимается научной работой, портфолио предполагает грамотное заполнение всех разделов папки, лаконичность мысли, улучшается качество перевода за счет минимизации грамматических, лексических, композиционных ошибок. Более того, в наше портфолио входит словарь, позволяющий студенту отслеживать правильность произношения слов, поскольку в него включена транскрипция, дефиниция, пример и перевод каждого слова по той или иной теме.

Говоря о структуре студенческого портфолио по английскому языку, каждое портфолио начинается с титульного листа индивидуально для отдельного студента, вся информация заполняется на английском языке. Что касается оформления, то в наших портфолио присутствует не только оглавление, но и названия всех разделов в соответствии с тематикой занятий.

Основная цель формирования портфолио по английскому языку - накопить и сохранить документальное подтверждение собственных достижений студента в процессе его обучения по данной дисциплине в университете. Портфолио является не только современной эффективной формой самооценивания результатов образовательной деятельности студента, но и способствует:

- мотивации к достижениям в рамках изучаемой дисциплины;
- обоснованной реализации самообразования для развития профессиональных компетентностей;
- выработке умения объективно оценивать уровень своего профессиональных роста в изучении иностранного языка;

- повышению конкурентоспособности будущего специалиста по иностранному языку.

Для определения значение портфолио для моих студентов, нами было проведено социологическое исследование (анкетирование) среди студентов первого курса Института пищевых производств Красноярского государственного аграрного университета. Как оказалось, далеко не все студенты были знакомы с подобной технологией, тем более не были уверены, что она может способствовать изучению английского языка.

Были опрошены 29 студентов в возрасте от 16 до 24 лет 9 класса (СПО), 11 класса (СПО) и студенты 1 курса высшего образования, анкета состояла из 8 вопросов, к которым необходимо было дать наиболее подходящий для студента вариант (да, нет, не знаю). Как показано на диаграмме, в результате анкетирования 73% опрошенных ответили положительно на вопросы о целесообразности технологии портфолио, 12% отвергли эту идею и 15% не уверены в полезности портфолио.

Данные анкетирования о принятии идеи использования портфолио на занятиях по английскому языку

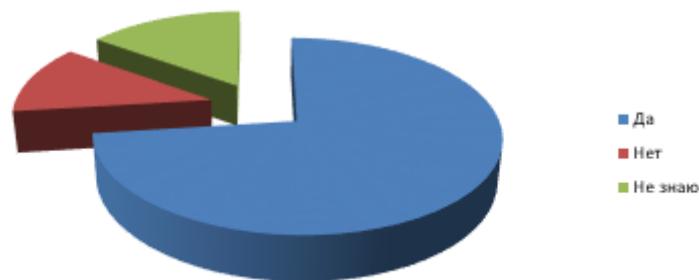

Рисунок 1. Данные анкетирования

В соответствии с результатами исследования, можно сделать вывод, что портфолио на занятиях по английскому языку нашло отклик у студентов, разнообразило традиционный процесс обучения и способствовало поддержанию заинтересованности английским языком.

В конце анкеты я попросила студентов выразить личное мнение своими словами о работе с портфолио. Какие эмоции они испытали при работе с данной технологией, желают ли они в дальнейшем продолжать вести портфолио по английскому языку или им больше подходит традиционная методика с учебником и тетрадь. Вот такие я получила ответы:

- 9 класс (СПО): «Я думаю, портфолио - это круто»; «Портфолио помогает мне запоминать слова и правильно их произносить. Я хочу, чтобы мы продолжили работу с портфолио в следующем году».

- 11 класс (СПО): «Я частично одобряю портфолио, так как оно помогает систематизировать знания, но все записи можно делать и в тетради»; «Портфолио полезно словариком, мы составляем слова и предложения, видим транскрипцию, это помогает не совершать ошибок в произношении».

- 1 курс (ВО): «Интересно и разнообразно, позволяет контролировать свои успехи»; «Портфолио помогло мне в изучении английского языка».

Замечу, что исследование проводилось со студентами неязыкового вуза, где данная дисциплина не является профильной, соответственно интерес к ней необходимо развивать при помощи разных методик, и портфолио, не исключение. Таким образом, портфолио может стать прекрасной мотивационной основой деятельности студента и помочь не только в достижении учебных целей, но и в формировании его личности, самореализации и самообразовании. Известно, что процесс самореализации любого человека всегда возникает в ответ на потребность в знаниях, которую мы и стараемся обеспечить для наших студентов. К тому же, после знакомства с портфолио, студенты смогут в дальнейшем использовать эту технологию в других целях.

References

1. <http://festival.1september.ru/articles/589998/>
2. <http://www.вокабула.рф/словари/новый-словарь-иностранных-слов/портфолио>

SECTION 5. THE ANALYSIS OF LANGUAGE AND LANGUAGE USE AS PROVIDING A WINDOW INTO NON-LINGUISTIC COGNITIVE PROCESSES AND STRUCTURES

UDC 811.366

Tverdokhlebo O.G. Verbs subject-object dressing: the ways grammatical object design in isosemous designs

Глаголы субъектно-объектного одевания: способы грамматического оформления объекта в изосемических конструкциях

Tverdokhlebo Olga Gennadjevna

Ph.D., Associate Professor, Department of linguistics
and methodology of teaching Russian language,
Orenburg State Teacher Training University

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания
и методики преподавания русского языка,
Оренбургский государственный педагогический университет

Abstract: This article considers the problem of semantic actants and the semantics of verbs subject-object dressing in constructions of modern Russian language. Described syntax, with the verb to wear / to put on, to wear / to put on, discovered a method of continuous and partial selections in fiction and non-fiction texts of the modern Russian language. It is shown that in the OBJECT position when the verb "subject-object dressing," to dress / to wear to wear / to put on the trinomial active structures with yosemitesam subject (persons, supernatural beings, animals and plants) can be single nouns in the form of the accusative in positive constructions and in the form of the genitive in negative constructions, as in the three-member passive constructions the OBJECT is represented by a single noun in the nominative case endings. The results of the work performed may be of interest to specialists dealing with the problems of typological research, predicate-argument structure, theory and practice of translation. The results obtained can also find application in the practice of compiling dictionaries

Keywords: lexico-semantic group of verbs, the object.

Аннотация: Эта статья рассматривает проблему семантических актантов и семантику глаголов субъектно-объектного одевания в конструкциях современного русского языка. Описаны синтаксические конструкции с глаголами одеть / одевать, надеть / надевать, обнаруженные методом сплошной и частичной выборки в художественных и научно-популярных текстах современного русского языка. Показано, что в позиции ОБЪЕКТА при глаголах «субъектно-объектного одевания» одеть / одевать, надеть / надевать в трехчленных активных конструкциях с изосемическим субъектом (лица, сверхъестественные существа, животные и растения) могут быть представлены одиночные имена существительные в форме винительного падежа в положительных конструкциях и в форме родительного падежа в отрицательных конструкциях, а в трехчленных пассивных конструкциях ОБЪЕКТ представлен одиночным существительным в форме именительного падежа. Результаты проведенной работы могут представлять интерес для специалистов, занимающихся проблемами

типологических исследований, предикатно-аргументной структурой, теорией и практикой перевода. Полученные результаты также могут найти применение в практике составления словарей.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа глаголов, объект.

В рамках семантического синтаксиса отечественные (Т.П. Ломтев, Н.Ю. Шведова, Ю.Д. Апресян, Т.Б. Алисова, В.В. Богданов, В.Г. Гак, Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицка, Т.В. Шмелева и мн. др.) и зарубежные лингвисты (Л. Теньер, Ч. Филлмор, Фр. Данеш и др.) предложение изучается вербоцентрически, что предполагает описание количества и характера валентностей, задаваемые глагольной лексемой ([1], [2], [3, с. 177], [7], [18, с. 5-6]; [19, с. 9], [20, с. 23]. Исследование «валентностей» глагола имеет много нерешённых как общетеоретических, так и частных проблем, что делает нашу статью актуальной.

В своих предыдущих работах мы уже описывали валентностное окружение глаголов разных лексико-семантических групп, в частности, *покрытия* [9], *отделения* [10], *соединения* [11-14], *давления* [15], *включения* [16] и др.

Ранее нами уже была описана валентность АГЕНС, репрезентированная в конструкциях, образованных глаголами *субъектного одевания* [17]. Эта статья, продолжающая исследование валентностного окружения глаголов лексико-семантической группы «*одевание*», посвящена анализу другого семантического актанта – ОБЪЕКТ, представленному в современном русском предложении, образованном глаголами лексико-семантической подгруппы «*субъектно-объектное одевание*».

Анализ более 1000 высказываний современного русского языка, извлеченных методом сплошной и целенаправленной выборки из различных текстов разных стилей, в том числе и из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ [6]), включающих глаголы «*субъектно-объектное одевание*» (*костюмировать, нарядить, наряжать, облечь / облекать, обуть / обувать, одеть / одевать, раздеть / раздевать, седлать / оседлать* и др. (подробный перечень лексем лексико-семантической группы «*одевание*» по: [5, с. 28] мы приводили ранее в: [17]), выявил заполнение позиции

ОБЪЕКТА разными грамматическими способами: 1) в активных конструкциях; 2) в пассивных конструкциях.

Далее мы проанализируем современные русские предложения, образованные глаголами указанной лексико-семантической подгруппы «*субъектно-объектное одевание*», и опишем способы грамматического оформления объекта только трехчленных активных и пассивных конструкций, т. е. конструкции, в которых на поверхностном уровне представлены и субъект, и объект. При этом мы ограничим наше исследование группой конструкций, включающих только изосемический [4] субъект (лицо, сверхъестественное существо, животное и растение).

В качестве примеров особенно будем приводить конструкции, образованные двумя парами глаголов: *одеть / одевать, надеть / надевать* изъявительного наклонения всех трех времен, напр., настоящего времени, ср.: ...*приходит искусной камердинер, чистит кафтан, одевает меня* (О.А. Казнина, А.Н. Николукин. «Я берег покидал туманный Альбиона...»); будущего времени, ср.: ...*случается, что костюмерша оденет тебя и уйдет в буфет* (Л. Смирнова. Моя любовь); прошедшего времени, ср.: *Исполнение своего намерения Иван Петрович начал с того, что одел сына по-шотландски* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо); *Как в банях выпаренные мещане / Надели чистые воротнички* (И. Северянин. Праздники); сослагательного наклонения, ср.: *Если бы фильм снимался лет десять назад, я бы одела её в кримплен* (Л. Гурченко. Аплодисменты); повелительного наклонения, ср.: *И Людмила Сергеевна, смеясь, соглашалась: «Ну что ж, позови фрейлейн, пусть она тебя оденет* (М. К. Куприна-Иорданская. Годы молодости).

1. В трехчленных активных конструкциях, включающих в свой состав изосемический субъект и образованных глаголами субъектно-объектного одевания *одеть / одевать, надеть / надевать*, ОБЪЕКТ может быть представлен:

1) одиночным существительным (в положительных конструкциях):

а) в форме винительного падежа:

• единственного числа, ср.: *Интересно, мужа (ед. ч., вин. п.) своего она одела бы так?* (В. Ф. Панова. Спутники). В объектных позициях в описываемых нами конструкциях могут быть представлены имена существительные, напр., одушевленные: *А я тебе помогу, — сказал Маленький Домовой. Он живо одел Мальчика (ед. ч., вин. п.) («Огонек». 1965. С. 427); — *Слышь, мужика (ед. ч., вин. п.) Кошкарёв барин одел, говорят, как немца (Н. В. Гоголь. Мертвые души); *На другой день, рано поутру, дружки одели невесту (ед. ч., вин. п.) к венцу (О. М. Сомов. Гайдамак), и имена существительные неодушевленные, напр.: Я надела узкую юбку (ед. ч., вин. п.), / *Чтоб казаться еще стройней* (А. А. Ахматова. «Все мы бражники здесь, блудницы...»); а также лексемы мерологического поля, обозначающие множество и совокупность лиц, животных, растений или предметов, в том числе организации: *Всю эту братию (ед. ч., вин. п.) Иоанн одел в тафьи или скуфейки и черные рясы (П. И. Ковалевский. Иоанн Грозный); *Вместо просторных одноцветных зеленых мундиров, он одел войско (ед. ч., вин. п.) в разноцветную, узкую, на прусский манер, форму* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев); *Петр Андреич на свой счет одел целый полк (ед. ч., вин. п.) ратников* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо);****

• множественного числа: *Мать безысходно зарыдала, одела детей (мн. ч., вин. п.) и увела во двор* (Ю. Дружников. Виза в позавчера). В объектных позициях этих конструкций также представлены имена существительные одушевленные, напр.: *Хазары в благодарность за этот поход с восточной пышностью одели его воинов (мн. ч., вин. п.)* (Борис Васильев. Ольга, королева русов), и имена существительные неодушевленные, напр.: *Я просто бы одел ботинки (мн. ч., вин. п.), взял кошки и потихоньку попытался бы подняться наверх* (НКРЯ. Новая тема, которую никто пока не трогает: форум. 2008); *...если она и оденет кроссовки (мн. ч., вин. п.), то...* (НКРЯ. Олег Васильев. Контактная импровизация. Хореография боевых искусств // «Боевое искусство планеты», 2003.12.08). Обнаруживаем здесь и лексемы мерологического поля, обозначающие множество и совокупность лиц, животных,

растений или предметов, в том числе организации: **Анненков одел свои полки** (мн. ч., вин. п.) (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые);

б) в форме родительного падежа (в отрицательных конструкциях):

- единственного числа, ср.: *Царь ... вооружил всех слуг и домочадцев, **сам** при этом **не одел** и **панциря*** (ед. ч., род. п.) (М. Пселл. Хронография);

- множественного числа: *Матвеев, надеясь на свою ловкость, **наколенников*** (мн. ч., род. п.) **не одел** (НКРЯ. Несчастье с футболистом // «Петербургская газета». 1909.09.06);

б) в форме родительного падежа единственного числа в отрицательных конструкциях: *Если вы **не оденете**, не обуеете и не вооружите **армии*** (ед. ч., род. п.), *то подорвете ее силы* (НКРЯ, Ф. Ф. Юсупов. От Главноначальствующего над г. Москвою // «Раннее утро». 1915.06.23); *Он **не одевал** никакой **формы*** (ед. ч., род. п.) («Каторга и ссылка». 1924. Вып. 28-30. С. 129); *Тюремное начальство запрещало Андрееву хождение босиком, но он упорно сопротивлялся; даже зимой на прогулку **не одевал** никакой **обуви*** (ед. ч., род. п.) (Д.Л. Андреев. Собрание сочинений в трех томах);

3) местоимениями, в частности:

а) личными местоимениями всех трёх лиц в форме винительного падежа:

- единственного числа, ср., в частности, конструкции, где в объектных позициях представлены личные местоимения 1-го лица в форме винительного падежа: **Красавица одела меня** (1-е л., ед. ч., вин. п.) *в польский костюм* (Б. А. Садовской. Карл Вебер); *Сверив с инвентарной книгой все номера на костях моего скелета, **они** мгновенно одели **меня*** (1-е л., ед. ч., вин. п.) *в совершенную и живую и, главное, современную плоть* (НКРЯ, Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергей Есина); а также личные местоимения 2-го лица в форме винительного падежа: — *Золушка, идем в гостиную, к*

большому зеркалу, и там я одену тебя (2-е л., ед. ч., вин. п.) (Е. Л. Шварц. Золушка); — Вот он тебя (2-е л., ед. ч., вин. п.) оденет... в петлю всунет (И. Л. Солоневич. Две силы); Я сама тебя (2-е л., ед. ч., вин. п.) одену (Г. Е. Николаева. Битва в пути); Тебя (2-е л., ед. ч., вин. п.) кто так одел? (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая); личные местоимения 3-го лица мужского рода в форме винительного падежа: С помощью Игоря они ...напялили на Сашу захваченный ими из дому кудрявый парик, и одели его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.) в мое расклешенное летнее пальто (Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания); ...проснулся Игорёк, я его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.) одел, накормил (А. Рыбаков. Тяжелый песок); Вот наш Стас Брытков, он могучий мужик, я его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.) одел в такой же свитер... (В. Смехов. Театр моей памяти); ...а эти люди спасли его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.), вылечили и одели (В. К. Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня); Входит ограбленный гражданин. Хозяин его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.) одел (Л. И. Славин. Интервенция); Я его (3-е л., ед. ч., м. р., вин. п.) одел «как куклу» во все свое (Лидия Вертинская. Синяя птица любви); или личные местоимения 3-го лица женского рода в форме винительного падежа: Песков, хотя и женатый был человек, взял ее к себе в дом, одел её (3-е л., ед. ч., ж. р., вин. п.) по-дворовому (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо); Он её (3-е л., ед. ч., ж. р., вин. п.) одел в свой костюм (Виктор Пелевин. Синий фонарь);

- множественного числа, ср. конструкции, где в объектных позициях обнаруживаем личные местоимения 1-го лица в форме винительного падежа, напр.: Петр Великий одел нас (1-е л., мн. ч., вин. п.) по-немецки для того, что так удобнее (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника); ...жрецы... одели нас (1-е л., мн. ч., вин. п.) мантиями жёлтого цвета (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки); а также личные местоимения 2-го лица в форме винительного падежа, напр.: «Лорд-мэр Москвы вас оденет» (И. Г. Эренбург. Люди, годы, жизнь); Мы еще оденем вас (2-е л., мн. ч., вин. п.) шелками, / плечи вам согреем соболями (Я. В. Смеляков. Милые красавицы России); Но прокормит и оденет вас (2-

е л., мн. ч., вин. п.) *не он, а маленькая синичка в руках* (А. Шубин. Путь к благополучию); либо личные местоимения 3-го лица в форме винительного падежа, напр.: *О, как бы я одел их* (3-е л., мн. ч., вин. п.)! (Я. Ларри. Страна счастливых); ...*Александр Данилович Менишков обрил всем магистратским членам бороды и одел их* (3-е л., мн. ч., вин. п.) *в немецкое платье* (М. Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия); *Морозов показывал своим ученикам немецкие картинки и даже одел их* (3-е л., мн. ч., вин. п.) *в немецкое платье* (НКРЯ, Александр Алексеев. Неистовые ревнители. Московская Русь в XVII веке // «Наука и жизнь», 2009); ...*мы оденем их* (3-е л., мн. ч., вин. п.) *в лапти* (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч);

б) местоимениями других разрядов, в частности, ср. примеры, где в объектных позициях представлены:

- указательные местоимения среднего рода в форме винительного падежа, напр.: *Я побежала обратно в свою комнату и быстро одела то* (указат., ср. р., вин. пад.), *что первым схватила в школу* (К. Голден. Лучшее лекарство); *Хейдвиг пошла за вешалки, сняла костюм сестры милосердия и одела то* (указат., ср. р., вин. пад.), *что только что выбрала наугад* (А. Щуров. Покойница для куклы. Мир Корпорации);

- определительные местоимения в форме винительного падежа, напр.: *Палач стал ломать над их головами шпаги, и когда всех* (опредлит., вин. пад.) *одели в белые рубашки с колпаками...* (М. А. Корф. Записки); *Всех* (опредлит., вин. пад.) *не оденет, голи-то много!* (А.А. Потехин. Избранные произведения). Ср. также предложение с обобщающим сочетанием, в состав которых входит местоимение *всё* и указательное местоимением *это*: ...*зачем он одел все это в такую страшную смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения?* (Александр Воронский. Гоголь);

- вопросительно-относительные местоимения в форме винительного падежа, напр.: — *А ты что* (вопросит., вин. пад.) *оденешь?* — *заботливо глядит* (А. М. Коллонтай. Василиса Малыгина); *Блеснула серебряная одежда из воздушных*

пузырьков, которую (относит., вин. пад.) он одел на себя там, на поверхности воды (Владимир Брагин. В стране дремучих трав); На вечеринку Элли одела красивое цветное платье, в котором выглядела просто потрясающе, но одевала которое (относит., вин. пад.) всего однажды (Е. Пономарева. Над пропастью времен); Выкиньте, наконец, бабушкино пальто, которое (относит., вин. пад.) уж точно никто никогда не оденет, и туфли, порвавшиеся два года назад (НКРЯ, Наталья Иванченко. Сдают нервы. 21 способ помочь себе (2002) // «Семейный доктор», 2002.06.15); Я отнесла ему (монашку) шерстяную безрукавку и перчатки, которые (относит., вин. пад.) одела на руки ему (НКРЯ. Мария Желнавакова. Письма Н. С. Фуделю // «Альфа и Омега», 1999-2000);

- отрицательное местоимение в форме винительного или родительного падежа, напр.: Она никого (отриц., вин. пад.) не накормит и не оденет (Д. Арнаутова. Год некроманта. Ворон и ветвь); ...одних из тех любвеобильных, которые ничего (отриц., род. пад.) не одевают под своими плащами (И. Сотников. Напасть); Они же ходят в театр в старых бальных платьях и вообще ничего (отриц., род. пад.) не одевают на голову! (Э. Уортон. Век невинности); Зовите хоть сотню Гегелей — они ничего (отриц., род. пад.) не одевают с этим обстоятельством (Л.И. Шестов. Только верую);

- возвратные местоимения в форме винительного падежа, в зависимости от тематического класса имени, представленного в субъектной сфере [8], указывающие:

- на 'то же лицо, что и лицо-СУБЪЕКТ', напр.: Правда, он мало помнил свое тогдашнее лицо, а только одел себя (возвр., вин. пад.) в новенькую форму генерала (В. Железников. Последний парад); Себя (возвр., вин. пад.) не оденет, не обует, все своей милой красавице (Н.И. Степанова. Магия: ступени мастерства); Странно спутанными нитями, создающими неповторимую фактуру ее вышивок, художница будто одевает себя (свое <я>) в одежды своего искусства (Т.А. Суханова. Любительское художественное творчество в России XX века);

○ либо указывающие на 'то же сверхъестественное существо, что и сверхъестественное существо-СУБЪЕКТ', напр.: *Как **принарядит себя** (возвр., вин. пад.) **леший**... **Домовой** наряжал **себя** (возвр., вин. пад.) в одежды хозяина.* (Мифы и герои Древней Руси, с. 59, 89);

○ либо указывающие на 'то же животное, что и животное-СУБЪЕКТ', напр.: *Живущие в воде **личинки** фриганей ... **одевают себя** (возвр., вин. пад.) всевозможными соломинками, иглами хвойных, листочками и пр. , чтобы рыбы их не заметили* (В.Л. Комаров. Избранные сочинения. Т. 1);

4) именем числительным в форме винительного падежа, напр., в современных русском предложении, где в позиции объекта находим:

• количественное числительное: ***Оденут одного** (кол. числит., вин. пад.), а потом опять начинают* (М. Раджаб, Л. Колосс. Я родом с острова Суматра);

• порядковое числительное: ***Два одевают третьего** (порядк. числит., вин. пад.)* (Т. Г. Шевченко. Капитанша);

• собирательное числительное: ***Кормить, одевать буду вас обоих** (собир. числит., вин. пад.), и, чего вам нужно, вы скажите, я дам* (Л. Толстой. Ильяс);

5) местоименным прилагательным в форме винительного падежа множественного числа, ср., напр., современное русское предложение: ***Миз Мими** кормила и одевала **многих*** (С. Кинг. 11/22/63);

б) субстантивированным прилагательным:

а) в форме винительного падежа:

• единственного числа, ср. следующие примеры из нашей картотеки: ***А кто нищего** (субстантив. прилаг., ед. ч., вин. п.) **накормит и оденет**, / **Накормит и оденет самого Господа Иисуса** (С. М. Соловьев. Рождение святого Сергия Радонежского); *Узнаешь ли сию одежду, которую Яношу? Петр же отвечал: — Да, Владыка, узнаю';**

она — моя, ею я одел нагого (субстантив. прилаг., ед. ч., вин. п.) (Е. Игоница. Восстание от греха);

- множественного числа, ср., в частности, следующие современные примеры: Нагих (субстантив. прилаг., мн. ч., вин. п.) одела ты порфирую своей (В. А. Жуковский. Государыне императрице Александре Федоровне); “Лосины” — это я знаю: это Катарина фон Анхальт-Цербст русских (субстантив. прилаг., мн. ч., вин. п.) в такие трико одела, чтобы ... (НКРЯ, Михаил Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998-2007) // «Зарубежные записки», 2009);

б) в форме родительного падежа единственного числа в отрицательных конструкциях, напр.: Христос не хочет иметь ничего общего с теми, кто алчущего не напитал, нагого (субстантив. прилаг., ед. ч., род. п.) не одел (Е. Трубецкой. Смысл жизни);

7) субстантивированным причастием в форме винительного падежа единственного и множественного числа, ср., в частности, следующие предложения: Она убирала вагон, раздевала и одевала раненого (субстантив. причаст., ед. ч., вин. п.) (В.Ф. Панова. Спутники); Арестованного (субстантив. причаст., ед. ч., вин. п.) нами / Мы одели багряницей (А. И. Тиняков. Рассказ римского солдата); Купцы братья Тарасовы и Черачев одели на войну своих служащих (субстантив. причаст., мн. ч., вин. п.) на собственные деньги (В. Лихоносков. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж);

8) количественно-именным сочетанием, построенным, в частности, по модели:

а) «имя в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе». В таких сочетаниях главное слово является:

- именем числительным, ср., конструкции, где позицию объекта занимает количественно-именное сочетание, главным словом в котором является имя числительное количественное: ...двух маленьких мальчиков Серезжа одел в матроски, но не обыкновенные, а придуманные им самим (А. С. Демидова. Бегущая строка

памяти); ...она приучила вторую дочь умывать и чесать детей, но в это утро **она** сама тщательно одела **двух** **меньших** (А. А. Фет. Семейство Гольц); **Я** надену **десятки** **лысин**, / Только будь молодою ты! (М. А. Светлов. Советские старики); **Борис Петрович** одел в полушубки и валенки **десять тысяч** новонабранного и новообученного **войска** (А. Н. Толстой. Петр Первый); или имя числительное собирательное: Обычно **она** сама утром одевала **обоих** **мальчиков** (И.И. Подольская, В.В. Кунин. Русские мемуары);

- количественным местоимением, ср.: у мордвы-мошки существовал обычай, согласно которому **невеста**, выходя на гулянье, одевала **несколько** **рубаш** в зависимости от достатка (В.Н. Белицер. Народная одежда мордвы); **Сегодня утром я** была у Знаменья, в лазарете, одела **несколько** **раненых** (Переписка Николая и Александры Федоровны);

- качественным прилагательным в сравнительной степени: ...**они** одели **меньше** **грузов** и сократили соединяющий их шнур до 3 метров (Константин Серафимов. Экспедиция во мрак);

б) «имя в винительном падеже + из + имя в родительном падеже множественном числе». В таких сочетаниях главное слово является:

- именем числительным, напр., количественным: **Юля** одела **одну** **из** моих длинных **маек** (Р. Змановский. Пора просыпаться);

- местоимением, напр., неопределенным: **Сейчас** в ней более 500 экспонатов. **Семья** Мей реставрировала и одела **некоторых** **из** **них** («Уральский следопыт». 1994), а зависимое слово является:

- именем существительным, напр.: **Не** случайно **он** одевает **одну** **из** своих **клиентов** в серое платье (К.С. Кузьминский. Ф.С. Рокотов, Д.Г. Левицкий); ...в цвета Вольфа (серый и синий) **автор** одевает **одного** **из** эпизодических **персонажей** романа,

грабителя и убийцу «курчавого Пьеро» (В.И. Тюпа. Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»);

- местоимением, напр., личным, в форме 3-го лица, множественного числа: *Альфред достаёт из маленькой коробочки два обручальных кольца и надевает одно из них на руку Эльзы* (Л. Кузнецова. Куда плывут материки); *Наутро они оденут одного из них общими усилиями* (Т.Л. Щепкина-Куперник. Избранное: Воспоминания и портреты);

9) рядом однородных членов, выраженных:

а) именами существительными (субстантивированными прилагательными или причастиями) в форме винительного падежа и соединённых:

- сочинительным соединительным союзом *и*, напр., одиночным: *Чтобы я одел пурпуровый жилет и зеленую тогу?* (Я. Ларри. Страна счастливых); *Она оденет в свои наряды Монику Белуччи и Милен Фармер* (НКРЯ, Веста Боровикова. Шарм // «Вечерняя Москва», 2002.07.18); *Мы накормим всех голодающих, оденем всех разутых и раздетых* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед); или повторяющимся: *На этот раз она одела и шанку, и перчатки* (В. Алексон. Пусть будет так);

- без помощи союза, напр.: — *Он одел белье, костюм и просил меня завтра передать на заводе, что...* (Л. К. Чуковская. Софья Петровна); *Вот, ушла у Майки мама на работу, а Майка одела поскорей капор ватный, пальто на меху и — на двор* (НКРЯ, Ольга Берггольц. Зима-лето попугай // «Чиж», 1930);

б) различными грамматическими способами, ср.: *Я одел военный китель без погон, штатские брюки, высокие сапоги и генеральскую серую мерлушковую папаху без галунов и кокарды; в дорогу я одел енотовую шубу военного фасона* (А. Ф. Редигер. История моей жизни); *Дома он подстриг бороду, одел патронташи, сумку и большую алюминиевую флягу в суконном чехле, наполненную медовухой* (А. А. Фадеев. Разлив); *Она одела теплые колготки, сарафан, бомбер и сверху дубленку* (Э. Лимонов. Книга

воды); **Она** *накинула спенсер, одела одну из своих многочисленных шляпок, перчатки* (А. Арсаньев. Казна Наполеона); *После похорон мужа **она** одела на себя его одежду: камзол, кафтан, штаны, картуз* (В.Г. Глушков. Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург. Речной круиз).

2. В нашей картотеке трехчленные пассивные конструкции, включающие в свой состав изосемический субъект и образованные глаголами субъектно-объектного одевания *одеть / одевать, надеть / надевать*, немногочисленны. В таких случаях ОБЪЕКТ представлен только одиночным существительным в форме именительного падежа:

а) единственного числа, ср.: **Скафандр** (объект, имен. п., ед. ч.) *надевается* (пассив) **космонавтом** *перед переходом из ЛОКа в ЛК* (Б.Е. Черток. Ракеты и люди: лунная гонка);

б) множественного числа, ср.: **Куклы** (объект, имен. п., мн. ч.) *одеваются* (пассив) **актером** *на средний палец* (М.Ф. Гаврилов. Кукольный театр Узбекистана).

Таким образом, в трехчленных активных конструкциях в позиции ОБЪЕКТА при глаголах «субъектно-объектного одевания» *одеть / одевать, надеть / надевать* с изосемическим субъектом (лица, сверхъестественные существа, животные и растения) могут быть представлены; а) одиночные имена существительные (местоимения, числительные, субстантивированные прилагательные и причастия) в форме винительного падежа в положительных конструкциях и в форме родительного падежа в отрицательных конструкциях; б) количественно-именные сочетания, построенные по моделям: «имя в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе» и «имя в винительном падеже + из + имя в родительном падеже множественном числе»; в) ряд однородных членов, выраженных именами существительными (субстантивированными прилагательными или причастиями) в форме винительного падежа и соединённых союзом, без помощи союза либо различными грамматическими способами. В трехчленных пассивных конструкциях,

включающих в свой состав изосемический субъект и образованных глаголами субъектно-объектного одевания *одеть / одевать, надеть / надевать* ОБЪЕКТ представлен одиночным существительным в форме именительного падежа.

References

1. Апресян Ю.Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. – СПб: Нестор-история, 2006. – С. 5-27.
2. Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – № 1 (3). – С. 10-29.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
4. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
5. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. 1988. – 153 с.
6. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.01.2017).
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
8. Твердохлеб О.Г. Репрезентация способа, орудия и средства в субъектной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 1999. – 213 с.
9. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Матер. межд. науч.-практ. конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 127-131.

10. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2007. – №2 (48). – С. 56-62.

11. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединение: субъект (животные и растения) — объект // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 469-474.

12. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) – объект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 122-126.

13. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глагола соединить: 1. Агенс // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12. – № 4. – С. 5–7. DOI: 10.14529/ling150401.

14. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агенс (сверхъестественное существо) — объект // Филоlogos. – 2015. – № 25 (2). – С. 62-66.

15. Твердохлеб О. Г. Агенс ситуации, описываемой глаголами лексико-семантической группы «давление» // Филологический аспект. – 2016. – № 1. – С. 34-38.

16. Твердохлеб О. Г. Субъектная сфера глагола «включить»: посессор // Sci-article.ru. – 2016. – № 1. – С. 99-105.

17. Твердохлеб О. Г. Глаголы субъектного одевания: изосемические репрезентации субъекта // International Conference on research Trends in Social Sciences, Education, Humanities, Business and Management Studies: Conference Proceedings, April 30th, 2017, France, Toulouse: Scientific public organization “Professional science”, 2017. – С. 216-228.

18. Холодович А.А. Залог. 1: Определение. Исчисление // Категория залога. М-лы конференции. – Л.: Наука, 1970. – С. 2-26.

19. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. – Л.: Наука, 1974. – С. 5-45.

20. Храковский В.С. Два подхода к анализу синтаксических конструкций: «лексико-семантический» и «конструкционный» опыт сопоставления // Actalinguistica Petropolitana: труды Ин-та лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2014. – Т. X. – Ч. 2. – С. 25-40.

Scientific edition

International Conference on Linguistics, Language and Culture Research

Conference Proceedings

May 31th 2017

Please address for questions and comments on the publications as well as suggestions for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Edited according to the authors' original texts

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 2,7
Circulation 100 copies
The publisher Smashwords, Inc.
Address: USA, Los Gatos (CA) 15951
Gatos Blvd., Suite 16 Los Gatos, CA
95032

**International Conference on
Linguistics, Language and
Culture Research**